94(2)27
И-46

63.3(2)722
ПОЛКИ
СТАЛИНГРАДА
БЕССМЕРТНЫ

Г. С. ИЛЬИН

ГЕРОИЧЕСКИЙ РЕЙД 20-Й

SHOUT
SHARE
IT

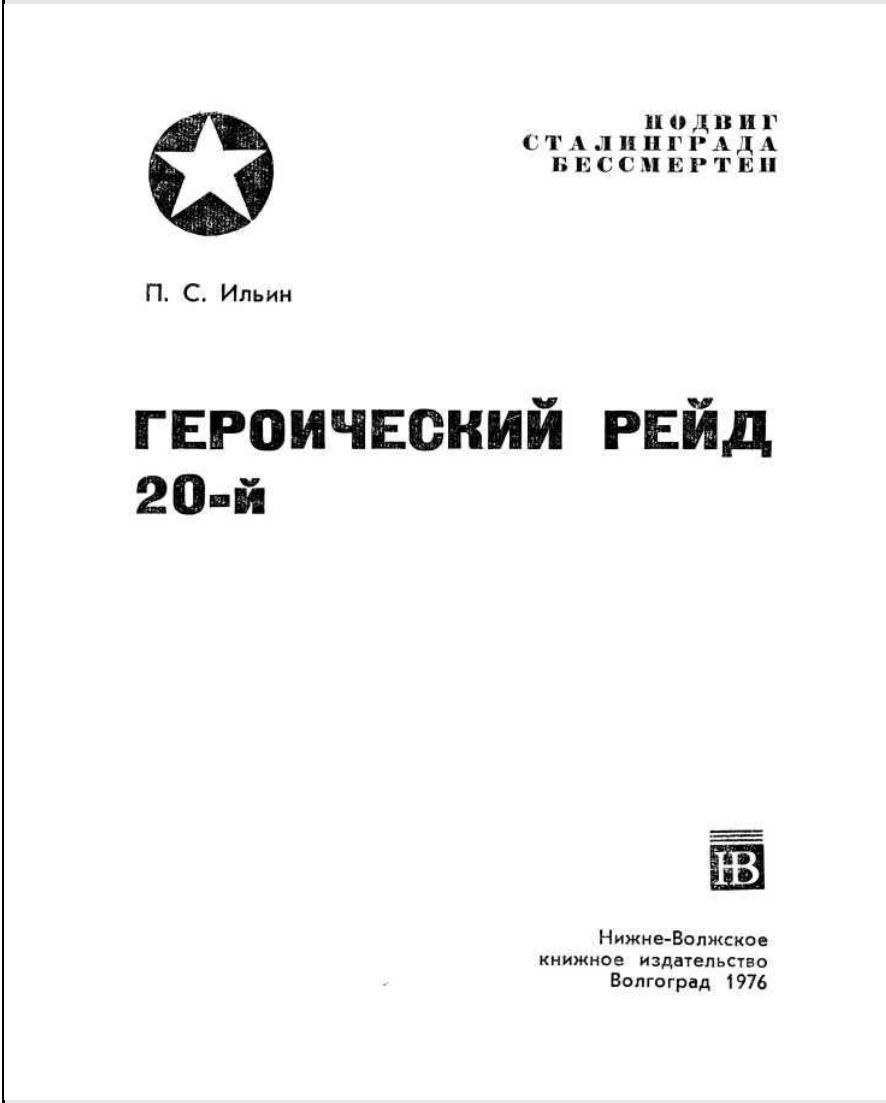
Annotation

Автор — бывший командир 20-й мотострелковой бригады — рассказывает о том, как бойцы и командиры героически сражались с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к городу Сталинграду и на его территории в 1942–1943 годах.

- Петр Ильин
  -
  - МЫ СТАЛИНГРАДЦЫ
  - БАСТИОН НА ДОНУ
  - ПРОРЫВ
  - СХВАТКИ НА ДАР-ГОРЕ
  - БОИ У ШКОЛЫ № 14
  - НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО
- notes
  - 1
  - 2

Петр Ильин
ГЕРОИЧЕСКИЙ РЕЙД 20-й

Ильин Петр Сысоевич



ОТ АВТОРА

В настоящей книге рассказывается о боевых действиях бывшей 20-й мотострелковой Новоград-Волынской Краснознаменной ордена Суворова бригады в Сталинградской битве.

В основе книги — личные воспоминания. Использованы также некоторые данные из архива Министерства Обороны СССР. Огромную помощь в подготовке рукописи оказали и боевые однополчане: К. С. Парфенов, В. И. Узянов, А. Г. Ивашин, И. Ф. Рогач и другие, которым приношу сердечную благодарность.

МЫ СТАЛИНГРАДЦЫ

В конце июля 1942 года меня вызвали в штаб Юго-Западного фронта. В то время я был заместителем командира 6-й гвардейской дивизии Третьего гвардейского кавалерийского корпуса, который сражался с немецко-фашистскими захватчиками в большой излучине Дона.

В штабе стало известно, что Военным советом я назначен командиром 20-й мотострелковой бригады. Утром 2 августа направился в район Калача, где был определен сборный пункт личному составу бригады и технике. Разные думы одолевали в пути. В памяти всплывало все то, что мне было известно об этой бригаде…

Она была сформирована в Сталинграде и 25 июня 1942 года отправлена на фронт в район ст. Волоконовки Белгородской области в оперативное подчинение командованию 21-й армии. Через четыре дня бригада уже вступила в первый тяжелый бой с превосходящими силами противника в районе села Б. Троицкое Белгородской области. Здесь воины бригады храбро дрались три дня с фашистами, отбивая одну за другой атаки врага, удерживая свои позиции. В этом бою погиб командир бригады Герой Советского Союза подполковник Сидоров. Временно командование бригадой было возложено на начальника штаба майора Игната Федоровича Турбина.

По приказу Военного совета 21-й армии 20-я мотострелковая оставила занимаемые позиции и вместе с частями армии под давлением крупных сил противника и сильной бомбежки с боями отходила на новые рубежи через Старый и Новый Оскол, Острогожск, Коротояк. В этом районе бригада была включена в танковую группу генерал-лейтенанта Е. Г. Пушкина и вместе с танкистами прикрывала отход наших войск за Дон. Бригада последней переправилась через Дон в районе села Давыдовка и заняла оборону у железнодорожной станции города Боброва.

После этих боев оставшаяся половина личного состава бригады походным порядком была направлена на Сталинградский фронт в составе 62-й армии. 10 июля 1942 года она прибыла в Калач, переправилась через Дон на западный берег и, совершив 30-километровый марш, расположилась в хуторе Острув.

Весь личный состав бригады был размещен по хатам. Только артиллеристы остались возле своих орудий. Далеко, в западном направлении, была слышна артиллерийская канонада. Обстановка не предвещала опасности. Но исполняющий

обязанности командира бригады — начальник штаба майор Турбин — все же вызвал всех командиров частей бригады и для каждой наметил участок обороны в случае нападения врага.

Меры были приняты вовремя. То, чего никто не ждал, произошло на рассвете 12 июля. Двадцать немецких танков, тихо подкравшись к хутору, неожиданно открыли сильный огонь, пытаясь уничтожить отдыхающих воинов. Но врагу не удалось застать врасплох воинов. Они мгновенно заняли свои участки обороны. На высоте оказались и артиллеристы капитана В. Узянова. Находясь на огневых позициях, они в течение нескольких секунд поставили орудия для стрельбы прямой наводкой и мгновенно открыли огонь по танкам. Один за одним загорелись 7 фашистских танков, а остальные повернули назад и скрылись за высотой. Среди артиллеристов особенно находчиво и умело действовали командир огневого взвода лейтенант А. В. Сахаров, подбивший 2 танка, наводчик П. М. Аврамчук, уничтоживший танк, и другие бойцы.

Утром следующего дня части бригады заняли оборону в районе х. Попов — Качалинский. В этот день противник пытался окружить бригаду, бросив против нее массу легких танков, танкеток и бронемашин, одновременно высадив в тылу десант до двух рот пехоты. Разгорелась горячая схватка.

Отважные мотострелки под командованием майора И. Ф. Рогача, артиллеристы подполковника К. С. Парфенова, капитана В. П. Узянова, а также бойцы роты ПТР капитана И. К. Тарана решительно отбивали атаку за атакой врага.

В момент боя взвод немецких десантников атаковал с тыла командный пункт 1-го мотострелкового батальона, на котором находились восемь человек связных и телефонистов во главе с лейтенантом Петром Ивановичем Соловьевым. В завязавшейся схватке уничтожили восемь фашистов, а остальных отбросили от командного пункта. Но гитлеровцы, чувствуя превосходство в силе, кинулись снова в атаку и ворвались на КП. И вновь, контратакованные кучкой храбрецов, быстро отошли назад, потеряв еще десять солдат и одного офицера. Тут же подоспевшие наши автоматчики, посланные майором Рогачом, добили остальных фашистов.

Связисты и в последующих боях за Калач и Сталинград действовали смело и решительно. И линия связи в батальоне, несмотря на частые повреждения, работала безупречно, обеспечивая командиру батальона управление подразделениями в бою и помогая прочно держать связь с командованием бригады.

Десант противника был полностью уничтожен. Бойцы истребили 15 танков, танкеток и бронемашин и подбили два

самолета. Не выдержав боя, захватчики стали отступать на запад, преследуемые частями 20-й мотострелковой бригады, которые, не давая противнику закрепиться, овладели х. Савинским, х. Добрынкой и совхозом «Первое мая».

Но в последующие дни июля противник, подбросив большие резервы, начал сильно теснить уставшие и обескровленные соединения и части 62-й армии к Дону, в том числе и 20-ю мотострелковую бригаду. 24 июля снаряды и мины уже рвались в районе Дона и Калачевского моста, а в ночь на 25 июля 1942 года вражеские войска с северо-запада и запада устремились к переправам Дона. Передовые части врага вышли на реку Лиска в район Качалинской и начали действовать по тылам 62-й армии.

Здесь, на западном берегу Дона с 25 по 27 июля, против паромной переправы, в районе отметки 16,1, северо-западнее Калача геройски дрался с фашистами 227-й батальон 115-го укрепленного района, под командованием командира батальона майора Ус, начальника политотдела майора Лезова и начальника особого отдела укрепрайона майора Затолокина. Несмотря на сильный огонь немецкой артиллерии и минометов, атаки танков, батальон три дня и три ночи стойко сражался в своих дзотах, нанося фашистам большие потери. Он задержал на этом участке продвижение противника к понтонной переправе. И только тогда, когда от батальона осталась горстка бойцов-уровцев, они вынуждены были переправиться на левый берег Дона и занять оборону недалеко от пристани.

Для частей 62-й армии на западном берегу Дона сложилась тяжелая обстановка. Враг принимал все меры, чтобы окружить у Дона армию. Но командование Юго-Западным фронтом своевременно среагировало, тут же направив 1-ю танковую армию генерала К. С. Москаленко в направлении Верхней Бузиновки, которая контратаковала врага.

Одновременно на западный берег Дона, через мост у Калача срочно были переброшены 28-й танковый корпус полковника А. Г. Родина и 55-я танковая бригада подполковника П. П. Лебеденко. А в это время на правом берегу Дона, западнее Калача, действовали части 23-го танкового корпуса генерала Е. Г. Пушкина. А 20-я мотострелковая бригада, находящаяся в этом корпусе, дралась на его правом фланге в 10 километрах восточнее хутора Качалинский.

Все эти танковые резервы, брошенные командованием Юго-Западного фронта в поддержку частей 62-й армии, не только потеснили противника в направлении реки Лиска на запад, дав возможность большинству соединений 62-й армии выйти из критического положения, но и нанесли врагу большой урон в

танках.

20-я мотострелковая бригада, в которой осталось к этому времени очень мало бойцов, 2 августа 1942 года была выведена из боя на левый берег Дона в район Калача…

Обо всем этом я узнал уже по пути в Калач. В тот же день офицер связи 62-й армии вручил мне пакет командующего 62-й армией генерал-лейтенанта А. И. Лопатина с приказом утром 3 августа выступить на доукомплектование в Дубовку. Я немедленно поехал на западный берег Дона для доклада об этом командиру 23-го танкового корпуса, в который входила бригада. Миновав высокий западный берег и проехав около трех километров на запад, наткнулся в поле на одиночный блиндаж. Дальше, за ним, в беспорядке стояли десятки подбитых наших и немецких танков, напоминая о недавнем грозном побоище могучих машин.

С грустью смотрел на наши мертвые танки, возле которых не было ни души, жалея, что их своевременно не вывезли тягачи. Тут же спустился в блиндаж, в котором в одиночестве находился генерал-майор танковых войск А. М. Хасин, исполняющий должность командира 23-го танкового корпуса.

— Товарищ генерал-майор, командир 20-й мотострелковой бригады полковник Ильин прибыл доложить, что, согласно распоряжению Военного совета 62-й армии, бригада убывает на доукомплектование в Дубовку, — отрапортовал я.

— Здравствуйте, товарищ Ильин, — медленно проговорил Хасин.

Пытаюсь завязать беседу.

— Товарищ генерал, почему не убирают танки?

— Я сам болею за них душой, но нечем взять на буксир, буксиров нет, — ответил Хасин.

Тем и закончился этот невеселый разговор. Чувствуя, что беседы дальше не получится, я распрощался и вышел из блиндажа.

Утром остатки бригады на машинах двинулись на Дубовку. Прибыв на место, бойцы сразу же начали приводить в порядок оружие и имущество, штабы — налаживать учет личного состава и вооружения, готовить наградные листы на героев боев, составлять программы и планы учебы с личным составом. Мы не мечтали об отдыхе, а думали, как еще лучше подготовиться к предстоящим тяжелым боям с фашистами. Причем готовиться надо было быстрее, потому что все — от рядового до командира — прекрасно понимали: долго в Дубовке нам не задержаться. Так оно и вышло.

Утром 9 августа меня срочно вызвал к себе командарм А. И.

Лопатин и, не дослушав мой доклад, сразу приступил к делу:

— Вот что, товарищ Ильин, как только от меня вернетесь в Дубовку, объявите тревогу и немедленно выступайте на Калач. Ваша задача: занять оборону у Калача и не допустить переправы противника через мост на восточный берег Дона. Правее вас в районе Камыши обороняется 131-я стрелковая дивизия, левее — 112-я стрелковая дивизия. В районе Калачевского моста на восточном берегу Дона находится в дзотах изрядно понесший потери от бомбежки 175-й батальон 115-го укрепрайона, который подчиняется вам.

— Все понятно.

— Все ли? Подумайте лучше.

— Все, но я не получил пополнения, не хватает оружия, а обороняться бригада будет на широком фронте.

Ответ А. П. Лопатина огорчил меня:

— Материальной части пока нет, обходитесь тем, что у вас есть, а личным составом немного пополним.

Я немедленно выехал в бригаду. Здесь, в штабе, пока подразделения собирались по боевой тревоге, я познакомил руководящий состав бригады с приказом командующего.

Что представлял из себя довоенный Калач? Это был обычный сельскохозяйственный райцентр, город с населением около пяти тысяч жителей. Промышленность была развита слабо. В городе действовали маленький рыбзавод, 2 артели промкооперации, станции МТС и РММ, небольшая пристань для малых судов, деревянный мост через Дон и станция железной дороги — Донская. Вот все, что тогда было в Калаче. Но все это было до боли дорого для каждого из нас, и за все это мы были обязаны стоять насмерть.

БАСТИОН НА ДОНУ

В полночь девятого августа бригада начала в Калаче готовить оборону на широком фронте. Первый мотострелковый батальон был расположен по восточному берегу Дона против моста, третий батальон — от центра вдоль западной окраины Калача до северной окраины, а второй батальон — уступом, на восточной окраине города. Все батальоны имели по 45-мм пушке ПТО и по 2–3 ружья ПТР. Артиллерийский дивизион и минометный батальон располагались в роще в семистах метрах восточнее Калача. Командный пункт бригады — на восточной окраине города.

Понимая большое значение обороны города и особенно переправы, мы провели с личным составом разъяснительную работу. А чтобы быстрее и качественней подготовить и укрепить район обороны, привлекали к этому и разведроту и роту управления, и многих хозяйственников. К вечеру были вырыты траншеи полного профиля с ходами сообщений, взводные узлы сопротивления с площадками для косоприцельного и кинжального огня пулеметов. Расставили пушки и минометы, подготовив для них основные и запасные огневые позиции, установили связь между частями и штабом бригады. Все это было тщательно замаскировано.

Надо учесть, что с высот западного берега Дона весь Калач и его окрестности вокруг до десяти километров хорошо просматривались врагом. Это создавало огромные трудности для нашей обороны. От командиров и бойцов требовалось большое искусство, чтобы хорошо замаскировать огневые позиции, траншеи, машины и незаметно двигаться днем в поле зрения противника. Особое внимание было обращено на оборону переправы.

Все детали о расположении 20-й мотострелковой бригады в обороне я сделал для того, чтобы можно было яснее представить, в каких трудных условиях на местности нам приходилось драться с многочисленным врагом и бить его не числом, а умением.

Между тем боевая обстановка в районе Калача складывалась не блестяще: на западном берегу Дона шли тяжелые бои с наступающим противником, прорвавшим 7 августа оборону 62-й армии, а к вечеру следующего дня вражеские танки появились в районе мостовой переправы через Дон. Мы их видели не далеко, южнее моста. Мост был еще дел, за исключением незначительных повреждений от бомбежек. Командование не разрешало его взрывать, потому что все надеялись — вот-вот появятся на

западном берегу отходящие части 62-й армии, попавшие в беду, которым потребуется переправа. Мы даже отремонтировали мост. Но он был подготовлен и для взрыва.

Незаметно наступила ночь. Погода была тихая, безветренная. Вдали, на западном берегу Дона, в направлении Майоровский — Качалинский слышалась орудийно-пулеметная стрельба, а в полосе наступления немецко-фашистских захватчиков небо пылало алым заревом.

Усталые бойцы после тяжелых дневных забот отдыхали в траншеях, готовые в любой момент вступить в схватку с фашистами. Спал и Калач. Тишину нарушала только летавшая в небе пара «юнкерсов», нудно издавая уукающий звук, и где-то вдали рвались бомбы.

Мне не спалось в эту ночь от разных дум. Я сидел на берегу Дона, недалеко от моста, прислушиваясь к дыханию теплой ночи. Недавно через мост, на западный берег, прошла группа наших разведчиков во главе со старшиной И. И. Клименко. Рядом со мной, в небольшом окопе, поглаживая, как ребенка, электромашинку для взрыва, сидел сержант-минер, кандидат в члены партии П. П. Блохин. Тут же в окопе стоял телефон — связь с командованием бригады. Блохин был уже в годах, не раз проверенный в боях в Воронежской области и на западном берегу Дона. Это был отважный минер, хороший специалист, уже обезвредивший сотни немецких мин, замечательный патриот Родины. Это он впоследствии в боях под Дубно бросился с двумя противотанковыми минами под головной командирский немецкий танк, остановив немецкую армаду танков, пытавшуюся внезапно атаковать на рассвете спящих бойцов 20-й мотострелковой бригады. А сейчас Блохин сидел и внимательно всматривался в противоположный берег.

— Ну как, товарищ, Блохин, не подведет ваша машинка? — оторвавшись от дум, спросил я.

— Что вы, товарищ полковник, сам все проверил. Да и капитан Вичтомов проверял.

— По сколько часов вы дежурите здесь, и кто вас сменяет?

— По четыре часа. Сменяет сержант Казаков.

Я вспомнил его сменщика. А. В. Казаков был под стать ему: такой же смелый, умный и хороший специалист. На его счету, о чем писала бригадная газета, было три тысячи обезвреженных немецких мин.

Посоветовав Блохину быть повнимательней, я ушел.

Наступил рассвет, над Калачом появилась ненавистная нам «рама». Она, как коршун, парила над позициями, высматривая себе жертву и фотографируя оборону. Мы хорошо знали, что

скоро она наведет на нас бомбардировщиков. И точно, не прошло и часа, как прилетели стервятники и начали бомбить траншеи. Но все обошлось хорошо, благодаря тщательной маскировке.

В конце первой половины дня настроение у бойцов поднялось. В бригаду прибыл целый батальон пополнения — около 900 человек. Почти все они уже участвовали в боях с фашистами, а это большое дело. Тут же я выделил из батальона взвод на оборону островка, что правее моста. Для остальных бойцов пополнения тоже нашлось много дел.

Под вечер мы с комиссаром бригады старшим батальонным комиссаром Дмитрием Давыдовым решили во всех частях и подразделениях провести митинги в связи с Приказом Верховного Главнокомандующего Сталина № 227.

Приказ был очень строгий, нужный и своевременный. В нем говорилось, в каком положении оказалась наша страна, что требуют советские люди от своей родной Красной Армии. А Родина требовала от бойцов и командиров: «Ни шагу назад с боевых позиций!», «Стоять насмерть!». Таков краткий смысл этого приказа.

По всем частям и подразделениям для проведения митингов по этому приказу были посланы политработники: начальник политотдела бригады майор Р. А. Михайленко; зам. начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант В. В. Мамаев; инструкторы политотдела майор М. Н. Дегун, капитан Г. С. Заварзин; комиссар штаба бригады майор Скрыпник. Мы с комиссаром Дмитрием Давыдовым пошли в части, поставив цель побывать во всех подразделениях.

Митинги прошли очень хорошо. В своих постановлениях в ответ на приказ Верховного Главнокомандующего бойцы и командиры поклялись стоять насмерть. Полное единодушие мнений явилось следствием того, что мы особое внимание уделяли политической работе с личным составом. Регулярная политическая подготовка, марксистско-ленинская закалка позволили нам вооружить личный состав такой силой, которая в дальнейшем вылилась у них в огромный героизм, в великое чувство патриотизма и непоколебимую веру в победу над врагом…

Не успел еще забрезжить рассвет, как снова появилась все та же злополучная «рама». Через несколько минут вновь началась бомбежка нашей обороны. Стервятники летали над головами бойцов, сбрасывая бомбы, безнаказанно спускаясь низко, обстреливали наши укрепления из пушек и пулеметов. Обидно, конечно, когда можно дать сдачи, да нечем. Отвечали только малоэффективным винтовочным огнем. Но и в этих условиях

времени не теряли. Несмотря на бомбежку, продолжали улучшать оборону и позиции огневых точек в узлах сопротивления.

Бруслик Николай Ефимович, бывший заместитель командира бригады по тылу.

В полдень ко мне на НП пришли начальник политотдела бригады майор Роман Алексеевич Михайленко и его заместитель по комсомолу старший лейтенант Виктор Васильевич Мамаев. Они доложили, что на учете в бригаде всего числится 130 коммунистов и 300 комсомольцев и что все коммунисты и комсомольцы получили задание: в бою быть образцом для остальных. Они обязались учить бойцов взаимной выручке, в схватках с фашистами сражаться не жалея своей жизни. Тут же Мамаев сообщил, что во всех подразделениях среди комсомольцев создан «счет мести» фашистам за Зою Космодемьянскую и Юрия Смирнова. Смысл его заключался в том, что каждый комсомолец будет отмечать зарубками на прикладах своего оружия — винтовки, автомата, пулемета или ружья ПТР — количество уничтоженных фашистских захватчиков.

В беседе выяснилось, что в бригаде много бойцов и командиров разных народностей и национальностей, которых надо было крепко сплотить в единую боевую семью, провести с ними разъяснительную работу.

Разговаривая с политработниками, слушая их, я подумал:

«Молодцы, черт возьми! Сила какая идет на нас, а они находят способы, как победить эту силу, вселяют в бойцов веру в победу. Молодцы!»

Пользуясь временным затишьем, я решил на несколько часов заехать в город Красноармейск к брату моей жены, чтобы узнать, нет ли весточки от моей семьи. Меня одолевали тягостные думы. Семья эвакуировалась из Киева в Воронеж, а там, по радиосводкам, шли тяжелые бои с противником, который сильно бомбил Воронеж.

Приехав к брату жены, застал у него своего 16-летнего сына Владимира. Оказывается, чтобы найти меня под Сталинградом, он прошел без денег, голодным от Воронежа до Красноармейска. Ребенок спал мертвецким сном после такой изнурительной дороги. Я не мог удержаться и, обняв сына, стал целовать его.

Володя рассказал, что мать при бомбежке Воронежа была тяжело ранена и засыпана землей, а потом была отправлена куда-то. А старшая дочь Валентина где-то воюет здесь же под Сталинградом в 95-й стрелковой дивизии в 103-м медсанбате.

Выслушав сына и забрав его с собой, я немедленно выехал в Калач. Там его зачислили красноармейцем в бригаду. Он участвовал в боях под Калачом и Сталинградом, потом в 1943 году окончил в Саратове 1-е артиллерийское училище самоходной артиллерии. Вначале преподавал в городе Горьком в офицерском полку самоходную артиллерию, а затем был командиром самоходной артиллерийской установки. Участвовал в боях под Ленинградом, Псковом, в Литве и в конце июля 1944 года геройски погиб в неравной схватке с двумя «Фердинандами». Погиб он, когда ему исполнилось ровно 19 лет. Вот что писал матери Володи его боевой друг и командир старший лейтенант Иван Тремасов:

«Я друг Володи еще по прошлой службе в 20-й мотострелковой бригаде, где командиром его отец. Позднее, в мае 1944 года, мы неожиданно встретились и стали работать вместе с Владимиром Ильиным…

Мы участвовали в прорыве обороны немцев на реке Проня, в форсировании рек Бася, Днепр, Березина, Неман. Месяц с лишним мы наступали, появлялись в глубоком тылу у немцев, где их настигали огнем и гусеницами своих громадин. На счету героя Володи до 100 уничтоженных фашистских солдат и офицеров, 10

пушек, три средних немецких танка, 20 автомашин, 26 повозок. Ильина знает, пожалуй, вся действующая пехота на 3-м Белорусском фронте. Но вот настал несчастный день 29 июля 1944 года… Володя выдвинулся вперед, обогнав наши танки в погоне за отступающими „фердинандами“, и из засады в районе Стрежельце его машина была в упор подбита вражеским танком. Осколками от снарядов были перебиты его ноги и пробита грудь. Он был мертв. Володя награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степеней… После торжественных похорон мы над его могилой поклялись отомстить фрицам за его смерть… (Полевая почта 05245, И. Е. Тремасов)».

Так сражался с немецко-фашистскими захватчиками за нашу родную землю комсомолец Владимир Ильин. Участвуя в боях за Калач и Сталинград, он мне как-то говорил: «Не бойся, папа, в боях с фашистами я тебя никогда не подведу». И он не подвел, свой долг выполнил с честью.

Сейчас в городе Пренай Литовской ССР на братском кладбище есть могила Владимира, а благодарное население города за проявленный им героизм и отвагу в освобождении их города решением городского исполкома Совета депутатов трудящихся одну из улиц города Пренай назвало именем Владимира Ильина, а пионерия школы-интерната назвала его именем пионерскую дружину.

Я позволил себе это отступление по одной причине — мой сын был бойцом 20-й мотострелковой.

В бригаде кропотливо совершенствовали узлы сопротивления в обороне, ежедневно с личным составом проводили занятия по боевой и политической подготовке. Бойцы и командиры с большим сознанием относились к учебе и занимались охотно.

Четырнадцатого августа враг вплотную подошел к Дону, и все части 62-й армии под сильным нажимом крупных сил противника отошли на левый берег. Беспрерывно грохотала канонада по долине реки, трещали пулеметы, свистели пули, носились в воздухе стремительные «мессеры», на нашу оборону сбрасывали смертельный груз «юнкерсы».

На западных высотах Дона появились камуфлированные немецкие танки. Наши артиллеристы и минометчики начали пристрелку по врагу, скрупулезно записывая в блокноты и на картах расстояние. И вот началась перепалка и задрожала калачевская земля.

В этот момент раздался звонок на моем НП. Звонил сержант Блохин. Он доложил, что из лощины, недалеко от моста, двигаются к переправе немецкие танки. Я тут же выехал к нему и, убедившись, что на западном берегу Дона наших частей 62-й

армии нет, приказал взорвать мост.

Гулко прокатился мощный взрыв по долине реки. Полетели в разные стороны щепки, доски, и рухнули в воду два западных пролета моста. На поверхности воды плавали бревна, щепки, доски и, как «солдаты», в реке стояли перебитые сваи.

Гитлеровцам не удалось с ходу захватить мост. Тогда они с западного берега открыли сильный беглый огонь из пушек и минометов, пытаясь не только подавить наши огневые точки, но и накрыть снарядами и минами весь наш берег Дона в районе переправы. Но наши артиллеристы по приказанию командующего артиллерией бригады подполковника Кузьмы Степановича Парфенова, чтобы не обнаруживать огневые позиции пушек и минометов, мигом прекратили огонь. Пусть немцы думают, что они подавили наши пушки и минометы. А в это время он, попыхивая своей трубкой, с которой никогда не разлучался, поглаживая длинные усы, внимательно следил за вспышками немецких пушек и брал их на карандаш, делая пометки на карте.

За несколько дней знакомства с ним, а затем в течение двух с половиной последующих лет совместной службы я хорошо узнал этого человека. Спокойный, выдержанный, храбрый, знающий артиллерист. Он всегда проявлял разумную инициативу, отменную выдержку на поле боя.

Как-то я ему говорю:

— Давай-ка, Кузьма Степанович, пройдемся, посмотрим, как расположены ваши пушки в кустах за Калачом.

— Пойдемте, товарищ полковник.

И мы зашагали к боевым позициям. Не дойдя до высоких кустов в небольшой лощинке, услышали, как сильный красивый тенор пел:

Бусоль я к бою приготовил,
Отметку сделал по толпе,
Среди нее
Одну красивую дивчину
За ориентир я взял себе,
Я быстро данные готовил,
Пристрелку начал поскорей,
И так познакомился я с ней…

В кустах послышался смех артиллеристов.

— Кто это так хорошо и весело поет, Кузьма Степанович? — поинтересовался я.

— Это сержант, командир орудия Павел Аврамчук, отважный и смелый человек, плясун, певец и весельчак. В перерыве между

боями вокруг него постоянно смех и шутки. Он любимец дивизиона, — с душой выложил Парфенов.

Мы пошли к орудию. Раздалась команда: «Смирно!» Аврамчук четко отрапортовал. Мы осмотрели орудие, боеприпасы, блиндаж для укрытия прислуги и маскировку. Везде был порядок. Тут же Кузьма Степанович дал вводную задачу: открыть огонь по наступающим танкам. Эта команда артиллеристами была выполнена блестяще. Я поблагодарил артиллеристов, и мы пошли к другим орудиям, где нашли такой же порядок на огневых позициях. Проверка огневых позиций происходила в момент, когда тут и там с тяжелым грохотом рвались немецкие мины и снаряды. И так, без передышки немцы вели огонь.

Прошла ночь. Наступил рассвет 15 августа. С НП мы с Кузьмой Степановичем ясно видели, как большие колонны немецкой пехоты вперемежку с повозками и машинами, груженными боеприпасами, продовольствием и другим имуществом, спокойно спускались с высот к Дону и затем двигались вдоль западного берега к хуторам Березовский, Голубинский.

— Ну, Кузьма Степанович, пришла пора дать фашистам перцу. Давай беглый огонек со всех орудий и минометов.

— Есть, товарищ полковник!

Через минуту-две раздался грохот наших пушек и минометов. Тяжелый вой, свист мин и снарядов донесся до нас. Задрожала донская степь. Снаряды и мины точно попадали в цель. Все было разбито и исковеркано, разбежались и фашисты. Я восхищался точностью стрельбы наших артиллеристов и немедленно поблагодарил их по телефону. Но и немецкая артиллерия и минометы не заставили ждать себя долго. Между артиллеристами началась дуэль. Кузьма Степанович немедленно отдал приказание одним пушкам и минометам стрелять по прежним целям, а другим — по батареям врага, после чего огневая схватка продолжалась долго.

В этот день я был вызван в Сталинград, в штаб 62-й армии на совещание. Проводил его командарм А. И. Лопатин. Когда возвращался в Калач после совещания, то, не доезжая до него километра три, был обстрелян немцами. Снаряды ложились то спереди, то сзади нашей мчавшейся машины. Немцы брали нас в «вилку», говоря по-артиллерийски, но мы еще быстрее помчались. Когда осталось до восточной окраины метров 500, фашисты буквально засыпали нашу машину не только снарядами, но и минами. Пришлось выскочить с шофером из машины и укрыться в канаве. Мины ложились близко, две из них попали прямо в канаву, осыпав нас землей и изрядно оглушив. Но все обошлось

благополучно.

На КП мне доложил начальник штаба бригады майор Игнат Федорович Турбин, что высланный офицер связи лейтенант Александр Филиппович Молозин для связи со штабом 112-й стрелковой дивизии в Колпачки и Кумовку ни штаба и никаких частей этой дивизии там не нашел. Куда они ушли, никто из жителей не знает. Командование 112-й стрелковой дивизии не поставило нас в известность о своем уходе.

Таким образом, наш левый фланг бригады оказался открытым. В срочном порядке пришлось перебросить туда со 2-го мотострелкового батальона взвод мотострелков и одно 45-мм орудие ПТО. Но такие силы не обеспечивали безопасность нашего левого фланга и постоянно заставляли нас за него беспокоиться.

За эти два дня противник подошел к Дону и в район моста, он уже два раза пытался подойти к переправе, но все его попытки были сорваны нашими артиллеристами и минометчиками. На следующий день, как и вчера, противник, не обращая внимания на наш артиллерийский и минометный огонь и большие потери, упрямо продолжал спускаться колоннами к Дону. А наши артиллеристы капитана Василия Павловича Узянова и минометчики старшего лейтенанта Василия Ивановича Ерхова продолжали методически бить их на выбор.

Неистовствовали и немецкая артиллерия и минометы, ведя беглый огонь по нашим огневым позициям. Непрерывно висели над нашим боевым расположением немецкие бомбардировщики, сбрасывая свой груз. Летали «мессеры», да так низко спускались над головами бойцов, что наглые летчики показывали нашим солдатам кулаки, а наши им отвечали огнем из винтовок и автоматов.

Но особенно мы беспокоились за свои пушки и минометы, скрывая их от «рамы», которая выискивала наши огневые позиции.

Хочу подчеркнуть еще раз, что в этих условиях ни на один день в подразделениях бригады не прекращались политические занятия. За эти дни мы провели политзанятия по темам: «Защита Социалистической Родины — священный долг каждого воина Советской Армии», «О выступлении Верховного Главнокомандующего Советских Вооруженных Сил от 7 ноября 1941 года». Проведены были партийные и комсомольские собрания с повесткой о задачах коммунистов и комсомольцев в бою и их передовой роли, и о готовности каждого к самопожертвованию при защите переправы и города Калача.

По настроению личного состава чувствовалось, что они горели большим желанием скорее встретиться с ненавистным

врагом. Хорошее настроение бойцов и командиров бригады восполнялось еще замечательной солнечной погодой. Лето в 1942 году стояло теплое, сухое. Дожди в июле и августе были очень редки и скоротечны. Яркое летнее солнце освещало пожелтевшие нивы, зеленые сады и притихшие села.

Так шли дни в огневом бою и нарастающей бомбежке наших позиций. Большое количество немецкой артиллерии и минометов было сконцентрировано в районе моста. И в ночь на 20 августа командование бригады решило выслать разведку во главе с прославленным разведчиком старшим сержантом М. Д. Дементьевым на западный берег Дона. Перед ними поставили задачу: узнать, какое количество артиллерийских и минометных батарей противника находится в районе моста, в большом овраге и на высотах и отметить место огневых позиций.

Ночь выпала темная, сгустившиеся тучи заслоняли луну. Разведчики тихо, на лодках, быстро переправились на западный берег Дона и дали сигнал фонариком, что все в порядке, начинают действовать. Я сидел с подполковником К. Парфеновым и заместителем начальника по разведке майором Иваном Филипповичем Рогоза, боевым, отважным офицером и хорошим, грамотным разведчиком. Мы, наблюдая за отправкой разведчиков, напряженно всматриваясь в темноту противоположного берега, прислушиваясь к малейшему звуку в ночной темноте, готовы были в любой момент помочь огнем нашим храбрецам. Но на западном берегу все было спокойно. Только перед самым рассветом старшина Дементьев дал сигнал подать лодки, после чего они так же тихо и спокойно переправились на наш берег и подошли к нам. Лица их были бодрые, мужественные. Они выполнили трудную боевую задачу.

Дементьев доложил, что в районе высот у дороги, идущей к мосту, и в большом овраге они насчитали 24 пушки и 12 минометов, стоящих на огневых позициях.

— Вот здесь, — говорил он, — они отмечены на карте. Там же в большом овраге с деревьями и кустарником, — продолжал Дементьев, — много пехоты, до 30 танков, десятки автомашин, много моторных лодок и понтонов. Что удивительно — фашисты везде крепко спят. Мы даже в овраге не видели часовых. Двигались мимо спящих гитлеровцев, перешагивали через них. Один даже проснулся, поднял голову, но в темноте спросонья, по-видимому, подумал, что это свои, повернулся на другой бок и уснул, — закончил Дементьев.

Я поблагодарил отважных разведчиков, дал два дня им отдыха и обещал представить их к правительственным наградам.

В этот день был сильный налет немецкой авиации, которая

засыпала нас бомбами. Появились жертвы — убитые и раненые. Вместе с налетом авиации артиллерия и минометы тут же открыли сильный огонь по блиндажам 1-го мотострелкового батальона у переправы и по дзотам 175-го батальона укрепрайона. Но личный состав бригады, соблюдая большую выдержку, вел только ружейный огонь из блиндажей по самолетам, а артиллеристы дали должный отпор немецким батареям.

Не могу удержаться и не сказать доброе слово в адрес наших тыловых работников, которые во главе с начальником тыла бригады капитаном Николаем Ефимовичем Брусликом днем и ночью, в любую погоду и в любых условиях боя всегда обеспечивали людей три раза в день горячей пищей. Вдоволь снабжали боеприпасами и горючим. Николай Ефимович всегда был на своем месте. Требовательный к себе и подчиненным, он в любое время выходил, казалось, из безвыходного положения. Много сделали и старшие лейтенанты службы Хохлов, Суржко и другие, каждый по своей специальности.

После дневных невзгод и тревог наступили сумерки. Я только спустился в свой блиндаж, чтобы отдохнуть, как пришел майор И. Ф. Рогач.

— Товарищ полковник, к нам из штаба армии прибыл капитан из разведотдела с двумя разведчицами, они ждут вас на берегу, недалеко от моста.

Мы подошли к ним. Место на берегу, где сидели две девушки и капитан, было удачное, замаскированное деревьями, с него хорошо просматривался весь западный берег Дона в районе переправы. Это были красивые, стройные, привлекательные разведчицы. Они внимательно всматривались в противоположный берег, намечая себе путь движения после переправы через вражеские боевые порядки. Подойдя к ним близко, я не заметил по их лицам, чтобы они волновались, идя на такое опасное задание в тыл врага. Они сидели и спокойно разговаривали с капитаном разведки.

— Скажите, — обратился я к одной из девушек с карими глазами, — как вас зовут и сколько вам лет?

— 19 лет, а звать Катя, — отвечает она.

— А вас как звать? — обратился я к другой.

— Меня зовут Таня, мне 18 лет.

— А вы не боитесь идти на такое ответственное и опасное задание?

— Нет, товарищ полковник, не боимся, — разом ответили девушки. — Мы уже не раз были в тылу врага и имеем опыт.

— Молодцы! — похвалил я их. — Ну, девушки, я, как родной

отец, желаю вам успехов и советую при любой опасности держать себя в руках, разумно и смело действовать. От души желаю вам счастливого пути и доброго возвращения.

Солнце уже село за горизонт. Разведчицы остались дальше наблюдать, а мы с майором Рогачом пошли на КП. Отойдя от них, я подумал: «Вот они, незаметные наши героини, наша героическая молодежь, воспитанная Ленинской партией и комсомолом. Ведь сколько этим девушкам, возможно, придется испытать, но они, не задумываясь, идут на все во имя свободы Родины».

Тут же я вспомнил и о других отважных героинях в бригаде, которые исключительно храбро ведут себя в сражениях по спасению тяжелораненых на поле боя. Они уже показали себя в боях в Воронежской области, в излучине Дона на западном берегу. Это они под градом мин, снарядов и бомб отважно выносили на своих худеньких, девичьих плечах тяжелораненых воинов с поля брани или ползком в дождь, мороз, стужу и метель тащили раненых из-под огня в укрытия или медпункт. Это они, наши прекрасные советские женщины, с материнской любовью относились к раненым в госпиталях, облегчая их страдания, спасая их жизни и делая все для выздоровления раненых. Это они, наши женщины-патриотки, шли в разведку, выбрасывались с рациями на парашютах в тыл врага, были в партизанских отрядах, находились в блиндажах и окопах под огнем противника. Сколько этих героинь погибло! А разве можно забыть тружениц, стоящих у станков подчас голодными, усталыми, которые давали оружие фронту, или тех колхозниц, которые на полях, выбиваясь из сил, трудились, чтобы дать рабочим и армии насущный хлеб для победы над лютым врагом. Никогда нельзя забывать этих фронтовых героинь и героинь труда Великой Отечественной войны.

Незаметно спустилась ночь. Майор И. Ф. Рогач сообщил мне, что лодки для переправы разведчиц готовы. Мы подошли к ним. Я еще раз пожелал девушкам счастья и успехов, и лодки отчалили от берега. Впереди шла лодка с девушками. Кругом была темень, чуть поблескивала поверхность Дона. Плохо видимые с берега лодки плыли бесшумно. Наконец с западного берега дали два световых сигнала. Это означало: благополучно достигли берега. А через полчаса — еще три световых сигнала, говорящих, что разведчицы прошли передний край врага и ушли в тыл, а разведчики охраны возвращаются.

Через шесть суток девушки вернулись к нам. Они были веселые, радостные, с важными данными о противнике. И вот теперь, несколько усталые, сидели передо мной.

Наступило утро 21 августа. Уже больше часа как вовсю грохочут пушки и строчат пулеметы среди оврагов и кустов, а над головами вьются «юнкерсы», сбрасывая 100-килограммовые бомбы. Так встречали защитники обороны Калача и переправы каждое утро.

С наблюдательного пункта несколько дней замечаю, что в бывший дом отдыха, расположенный на высоте западного берега Дона, в двух километрах южнее моста, беспрерывно снуют туда и обратно фашисты и подъезжают машины. Из этого сделал вывод, что в доме отдыха расположен какой-то крупный немецкий штаб. Я тут же вызвал к себе майора Рогача:

— Иван Филиппович, — говорю ему, — вы не наблюдали за вон тем домом отдыха? Мне кажется, что там какой-то немецкий штаб.

— Наши наблюдатели мне докладывали, товарищ полковник, об этом. Я с вами согласен, — ответил Рогач.

— Давайте, Иван Филиппович, мы этот штаб сегодня ночью потревожим. Пошлите всю разведроту во главе с лейтенантом Егором Гавриловичем Бирюковым. А сейчас вызовите лейтенанта Бирюкова и его командиров разведвзводов, пусть они произведут рекогносцировку с берега, как им лучше действовать, а разведчики чтобы готовились к ночной, боевой разведке. Да пусть побольше забирают с собой патронов и гранат. Посадка на лодки в 24–00.

Быстро прошел день, наступила ночь. Она была такой же темной, как и вчера. Мы с майором Рогачом сидели на берегу, поджидая разведчиков. Вскоре появились и они. Лейтенант Бирюков доложил о прибытии и готовности роты к выполнению боевой задачи. Я сказал разведчикам несколько напутственных слов в дорогу. Бирюков подал команду пустить лодки, и разведчики на четырех лодках поплыли на другой берег.

Кругом царила тишина. Молчали минометы и орудия с обеих сторон. Где-то правее нас, в районе Камыши, прострочили пулеметы да над головами пролетела испуганная птица.

Мы с майором Рогачом волновались за исход боевой операции. Каждую секунду можно было ожидать, что из засады грянут десятки, сотни автоматных выстрелов по отважным разведчикам. Прошло уже минут пятнадцать как отплыли лодки, а сигнала еще не было. Волнения усилились. Но тут же Бирюков дал световой сигнал, означавший, что разведчики начали действовать. Через сорок минут возле дома отдыха поднялась такая пулеметная и автоматная стрельба, что небу жарко стало. Можно было подумать, что идет большой ночной бой. Гулко рвались гранаты, слышались пулеметные и автоматные очереди,

горело здание дома отдыха, зарево пожара освещало большую площадь вокруг него, и нам с восточного берега было хорошо видно, как у здания метались и падали фигуры. Темноту тихой летней ночи во всех направлениях светлыми нитями прорезывали трассирующие пули.

— Молодцы разведчики, дают фашистам перцу. Только бы все живы остались, — говорю я.

— Останутся, товарищ полковник, ведь ими командует коммунист, отважный и опытный командир Бирюков. Он все точно учел, все правильно рассчитал, — сказал Рогач.

Полчаса продолжался бой у дома отдыха. А еще через 35 минут лейтенант Бирюков уже давал знать, что разведчики плывут обратно.

Данилов Петр Георгиевич, помощник начальника штаба.

Благополучно прибывшие, взволнованные, но радостные разведчики принесли много ценных документов, они разгромили штаб немецкого пехотного полка, большинство офицеров

которого было перебито. Захватили много ручного оружия и снаряжения. Подожгли 15 легковых и грузовых автомашин, уничтожили водителей и охрану штаба.

В этой ночной схватке все разведчики действовали мужественно и храбро. Только двое из них были ранены, но и они не вышли из строя. Отлично действовали в бою старшина комсомолец Иван Иванович Клименко, старший сержант комсомолец М. Д. Дементьев. Разведчик Григорий Николаевич Сурич, которому поручено было уничтожить водителей и поджечь автомашины, поджег 8 автомашин и уничтожил 6 водителей. Командир разведроты Бирюков показывал в бою пример доблести и отваги, лично уничтожил 10 фашистов. Дерзко и умело вели себя и другие разведчики.

Всего, по подсчетам разведчиков, в этом ночном бою было уничтожено около 80 гитлеровцев. От всей души я поблагодарил отважных разведчиков и приказал майору И. Рогачу особо отличившихся представить к наградам, а старшему сержанту М. Д. Дементьеву от имени вышестоящего командования присвоил звание «старшина».

Но кроме всего, лейтенант Егор Бирюков рассказал мне, что наш прогноз о беспечности фашистов в ночное время полностью оправдался. Разведрота в количестве 35 человек гуськом прошла в овраге за командиром, мимо спящих немцев, поднялась на высоту, и никто их не окликнул. И больше того, когда они громили немецкий штаб полка и вели целых полчаса огневой бой, находившиеся в двух километрах от них, в овраге, немецкие части не пришли на помощь к своим и спокойно отдыхали.

Этой дерзкой разведкой боем мы преследовали цель не только побольше истребить фашистов и захватить важные документы, но хотели показать, что и у нас в Калаче есть такая сила, способная не только обороняться, но и нападать.

Разведгруппы бригады каждый день высылались начальником штаба бригады майором Игнатом Федоровичем Турбиным. Под его руководством штаб бригады работал четко и организованно.

Прошла и эта боевая ночь. В переливах рассвета родился новый день, и сразу начался орудийный грохот. Потом тяжело груженные «юнкерсы» пошли друг за другом в пике на блиндажи и дзоты 175-го батальона укрепрайона, 1-го мотострелкового и других батальонов. Бомбы, снаряды и мины поднимали в воздух огонь, дым, неся с собой смерть и разрушение. Два часа продолжался огневой налет, и казалось, что все защитники переправы и Калача погибли, все было смешано с землей.

Но нет, живы были советские солдаты, не сломлен их боевой дух ни сталью, ни огнем. Это можно было видеть потому, как

высовывались из блиндажей винтовки, ведущие огонь по немецким самолетам, как спокойно командиры частей отдавали распоряжения по телефонам, как артиллеристы и минометчики бригады методически уничтожали спускавшиеся к Дону колонны врага и уже заставили замолчать одну артбатарею, другую минометную.

По усиленной бомбардировке и сильному обстрелу наших позиций можно было понять, что немецко-фашистские захватчики что-то хотят предпринять серьезное.

В полдень наблюдатели, высланные на высотки севернее Калача, заметили в районе южной окраины хутора Камыши скопление пехоты противника. Я немедленно позвонил по телефону в штаб 3-го мотострелкового батальона. Трубку взял комиссар батальона, оставшийся за комбата майор Василий Андреевич Шубин.

— Товарищ Шубин, по сообщению наших наблюдателей, на южной окраине Камышей обнаружено скопление пехоты противника. Обратите внимание на северо-западную окраину Калача, где дубовая роща, заросшая карагачем и подкленком. Имейте ввиду, оттуда враг может скрыто подойти и атаковать вас. Вышлите боевое охранение в этом направлении, будьте бдительны, организуйте с охранением связь.

— Приступаю к выполнению приказания, — ответил майор Шубин.

Но, как будет рассказано ниже, все же командование 3-го мотострелкового батальона недостаточно продумало обстановку, не проинструктировало хорошо боевое охранение, в результате чего совершило большую ошибку.

Вечером штабом бригады была выслана разведка в направлении Камышей во главе с лейтенантом Львом Александровичем Саркисовым, они обнаружили уже построенный немцами деревянный мост через Дон в районе Камыши. Наши разведчики были обстреляны автоматчиками противника с восточного берега Дона, у Камышей, оттуда, где должны были находиться соседние части 131-й стрелковой дивизии. Теперь и соседа справа не было. Приходилось беспокоиться не только за свой левый фланг, но и за правый. Обстановка в районе Калача стала неясной. Все наши попытки связаться со штабом 62-й армии по рации не дали никаких результатов. Штаб армии молчал.

С наступлением рассвета 23 августа я вызвал помощника начальника штаба бригады по кадрам, майора Петра Георгиевича Данилова, до призыва проживавшего в Сталинграде, и приказал ему следовать в город, найти там командующего 62-й армией генерал-лейтенанта Лопатина, доложить ему обстановку в районе

Калача и получить распоряжение для командования бригады.

Принял и другие меры. Я вызвал начальника инженерной службы бригады капитана Вичтомова, которому приказал силами инженерно-минной роты до вечера все заминировать вокруг Калача противотанковыми и противопехотными минами, включая восточный берег Дона, против моста.

Надо сказать, что боевое задание по минированию капитан Вичтомов с бойцами выполнили в срок. Но случилась беда. Причем нелепая, до боли обидная. Все работы были закончены. Последнюю мину устанавливал сам Вичтомов. И она взорвалась. Погиб замечательный советский патриот, которого все мы до сих пор не можем забыть, хотя прошло уже тридцать лет.

Днем погода стояла жаркая, солнечная. Она словно повлияла и на противника. Даже пушки и минометы фашистов временно умолкли. Только мерзкая «рама» носилась в вышине. Наблюдатели штаба бригады, находящиеся на высотах северо-восточнее Калача, сообщили майору И. Ф. Турбину о большом скоплении в районе хутора Камыши немецкой пехоты и массовом движении танков в направлении Сталинграда. А потом мы увидели, как над нашими головами с западного направления летели одна за другой тяжело нагруженные армады немецких бомбардировщиков. Мы их считали десятками, сотнями, а они все летели и летели на родной наш Сталинград. Сердце сжималось от боли при одной мысли, что вот сейчас вся эта громада обрушится на сталинградцев: детей, женщин, стариков, ничего не подозревавших о такой страшной опасности.

К вечеру в бригаду вернулся из Сталинграда майор П. Г. Данилов, посланный отыскать штаб 62-й армии. Но он нигде его в городе не нашел, никто не знает, где находится штаб, а на старом месте его нет. Он рассказал об огромном разрушении Сталинграда, о горе людей, потерявших своих близких и родных во время бомбардировки города, и о той неукротимой ненависти, с которой сталинградцы хотят отомстить фашистам за их зверства. Сталинградцы массами записываются добровольцами в воинские части, идут на заводы делать танки и другое оружие, на строительство укреплений и другие объекты оборонного значения.

О Сталинграде я еще скажу ниже. Надо вернуться в Калач.

В этот день все части 62-й армии справа и слева от Калача отошли на следующий рубеж обороны: Орловка, западный берег реки Россошка, Червленая — 36 километров от Сталинграда. А 20-я мотострелковая бригада и 175-й батальон укрепленного района остались одни в Калаче, не получив никакого распоряжения.

К вечеру огневой бой батарей через Дон возобновился. Гулко рвались немецкие снаряды. Азартно били наши пушкари по крутым склонам и пригоркам, где продолжали спускаться немецкие колонны к Дону.

На рассвете мы с заместителем начальника оперативного отдела штаба бригады капитаном Павлом Великжаниным поехали проверять боевое охранение и наблюдателей южнее хутора Камыши. За малым исключением службу бойцы несли исправно. Через некоторое время зарделся восток, из-за горизонта медленно и осторожно выглянуло солнце. Жаркий день вставал. И снова, как и вчера, мы услышали приближающийся гул моторов.

С наблюдательного пункта командир артиллерийского дивизиона капитан В. Узянов заметил скопление гитлеровцев на западном берегу Дона. На моторных лодках и разных переправочных средствах они пытались начать переправу под прикрытием своего артиллерийского и минометного огня и бомбардировки с воздуха. Узянов немедленно по телефону приказал батарее лейтенанта Яковлева открыть огонь по скоплению врага. Мигом была выполнена команда по давно пристрелянному ориентиру, и сразу несколько снарядов угодило в цель. Было уничтожено много фашистов, две моторные лодки.

Но тут часами висевшая над Калачом немецкая «рама» моментально появилась над батареей Яковлева и, повиснув над ней, сбросила вертикально ракету. Буквально через пять минут батарея Яковлева была накрыта ураганным огнем из тяжелых 155-мм орудий. Один из снарядов попал в блиндаж, в котором погиб весь расчет орудия вместе с лейтенантом Хазовым. Артиллеристы дивизиона переживали гибель товарищей. Но горем делу не поможешь. Следовало действовать. И капитан Узянов немедленно сменил огневые позиции орудий, поставив их ближе к Калачу и Дону.

В этот день ко мне на НП пришли начальник политотдела бригады майор Роман Алексеевич Михайленко и начальник особого отдела майор Петр Матвеевич Ковган. Мы разговорились. Чувствую, что они чем-то взволнованы, загадочно поглядывают друг на друга. Наконец первым на откровенность пошел Михайленко:

— Товарищ полковник, вы же знаете, все наши соседи — справа 131-я, а слева 112-я стрелковые — а также все дивизии и части 62-й армии давно уже отошли от Дона. Чего же мы здесь сидим и ждем в Калаче? Давайте отходить на Сталинград.

Не успел я и сообразить, что к чему, как Ковган выпалил скороговоркой:

— Я с ним согласен, надо уходить, пока не поздно.

Ну что я мог сказать им убедительного? Есть приказ Верховного Главнокомандующего Советской Армии товарища Сталина № 227, который мы только что проработали со всем личным составом бригады, в котором ясно сказано, что без приказа вышестоящего начальника отходить с занимаемой позиции нельзя. Я приказа об отходе бригады от Калача от Военного совета 62-й армии не получил и не имею права отдать приказ частям оставить оборону переправы и Калача. А, может быть, Военный совет армии 20-ю мотострелковую бригаду специально оставил на этом узловом направлении, чтобы сдерживать противника в интересах армии.

Вот так приблизительно ответил я своим товарищам. Но отчетливо помню, когда они неловко и смущенно уходили от меня, я подумал: «Поймите вы, не смерть страшит меня, а позор не выполнить приказ Родины».

С этими мыслями я даже не заметил, как подошел к рации. Здесь находился заместитель начальника штаба бригады подполковник Ф. И. Луговской и радист комсомолец П. Г. Гудзенко. На мой вопрос, не нащупали ли они связь со штабом армии, ответ был отрицательный.

Так в заботах и бою прошел и день 24 августа. Погасли зори. И я думал, что снова увижу спокойный, радостный рассвет, но коварный враг перед рассветом тихо, по-шакальи, пробрался через рощу и кусты к северной и северо-восточной окраинам Калача, окружил и уничтожил боевое охранение 3-го мотострелкового батальона. А затем, пройдя по коридорам минного поля, неожиданно атаковал двумя пехотными полками при поддержке 20 танков наши два неполнокровных батальона.

Захваченные врасплох в блиндажах, красноармейцы и командиры схватились за оружие и смело бросились на врага. Заработали автоматы и ручные пулеметы. Десятки гранат полетели в фашистские скопища. В траншеях и возле них начались рукопашные схватки. Артиллеристы капитана В. Узянова прямой наводкой из орудий, картечью били по врагу. Минометчики старшего лейтенанта В. Ерхова уничтожали пехоту, бойцы роты ПТР — танки и пулеметы противника.

Но враг при поддержке танков, не считаясь с огромными потерями, все больше нажимал, и через час схватки с противником бои шли уже на улицах северной части Калача. Гитлеровцы навалились и на 2-й мотострелковый батальон старшего политрука Михаила Михайловича Ковалева. Бой разгорелся уже не только в городе, но и на северо-восточной окраине. От огня раскалялись жерла пушек. Подбиты были и взорвались на минах около десятка танков.

Без устали строчили наши раскаленные докрасна пулеметы. Сражение за город шло уже несколько часов, а бой не утихал, а нарастал.

В этот момент мне позвонил с переправы командир 1-го мотострелкового батальона капитан Пинаев и сообщил, что немцы открыли сильный огонь из артиллерии и минометов по его батальону и под прикрытием огня направили к нашему берегу 12 моторных лодок с автоматчиками.

Стало ясно, что сражение развернулось и за переправу. В долине Дона с шипением и треском падали вражьи снаряды и мины у наших траншей и дзотов, поднимая в воздух столбы дыма, пыли и огня. Некоторые из них не долетали до берега и падали в Дон, вздымая в небо фонтаны воды. Но пулеметчики и артиллеристы ПТО батальона, прильнув к прицелам, не открывая огня, зорко следили за приближающимися лодками фашистов. Они давали им возможность ближе подойти к берегу, чтобы бить наверняка. И когда была подана команда открыть огонь, смерчем забурлила вода вокруг немецких лодок. Падали в Дон скошенные огнем гитлеровцы, пошли ко дну одна за другой сразу три разбитые лодки. Барахтались в воде раненые десантники. А многие из них уже захлебнулись донской водичкой и больше не пройдут по калачевской земле к Сталинграду.

За участок переправы, где находился мой заместитель подполковник Гаврилов, я меньше всего волновался и был уверен, что гитлеровцам не удастся захватить плацдарм. Красноармейцы и командиры ни на один шаг не отойдут назад, хотя бы смерть стояла перед ними. Но в городе дела сложились трудные. Противник, несмотря на большие потери, все лез и лез в атаки, подбрасывая резервы, тесня наши подразделения по улицам Калача к центру. И к 14 часам ему удалось захватить половину города (старый Калач). Но дальше у противника не хватило сил двигаться вперед, так как он понес раза в четыре больше нас потерь.

Закрепились и наши части на этом рубеже, приводя себя в порядок, хотя бой еще кипел в тылу у врага на островке севернее моста. Фашисты буквально засыпали осколками снарядов и мин каждый сантиметр островка. Защитников островка осталось уже немного, погибли все командиры, но этот кипящий огнем клочок земли жил и наводил страх на гитлеровцев. А командовал небольшой кучкой бойцов ранее посланный мною местный милиционер Кривоножкин. Он с честью выполнил задание и удержал островок до нашего прихода.

Воспользовавшись передышкой, мы немедленно из роты автоматчиков и роты разведчиков создали резервный кулак под

командованием командира роты автоматчиков бесстрашного лейтенанта Ивана Трофимовича Шваабе. Артиллеристам 76-мм пушек артдивизиона капитана Василия Узянова и командиру 45-мм орудий ПТО старшему лейтенанту Александру Петровичу Егорову (впоследствии Герою Советского Союза), было дано указание двигаться в боевых порядках мотострелковых контратакующих батальонов для стрельбы прямой наводкой не только по танкам, но и живой силе врага.

Тут же были посланы в боевые подразделения политработникиз М. Д. Дегун, Г. С. Заварзин, Д. Л. Мушкаев, А. Н. Осипов, М. М. Ковалев, В. Г. Вербенко, Борисов и Комаров. Они должны были рассказать бойцам о прошедшем бое и его героях и вдохновить бойцов на решительную контратаку. За время двухчасовой передышки комсомольский вожак, старший лейтенант В. В. Мамаев, сумел побывать во всех подразделениях, мобилизуя комсомольцев для предстоящей схватки. Вместе с ним проводили беседы с молодыми бойцами члены комсомольского бюро бригады: младший лейтенант Козырев, сержанты Залевский, Красий, Горяев и другие.

В. П. Узянов, бывший командир артдивизиона.

Воспользовались передышкой и хозяйственники. Они успели накормить горячей пищей весь личный состав бригады.

И вот настало время решительной контратаки. Дрогнула, раскололась тишина. Заработали пушки и минометы. Заговорили скороговоркой пулеметы, затрещали автоматы, пошли в ход гранаты. Мотострелки стремительно бросились вперед. То там, то тут на улицах Калача слышалось «ура!» Кровопролитные схватки шли за каждый дом, сарай и улицу. Бесстрашно, как богатыри, плечом к плечу дрались рядом русский Николай Степанов и украинец Александр Ефимчук, татарин Хамат Ганеев и таджик Хаджимуратов, узбек Акрам Алимов и чуваш Мамаев и солдаты других национальностей. Наша бригада была как одна семья. Все это понимали хорошо. На самых опасных местах схваток, показывая пример отваги и героизма, были коммунисты и комсомольцы. У них была только одна привилегия — быть в бою

впереди всех и драться лучше других. Беспартийные командиры и бойцы, верные своему долгу Родине, не зная страха, следовали примеру коммунистов и комсомольцев. Фашисты столкнулись с железной волей, стойкостью и отвагой советских воинов, проявлявших массовый героизм. Многие раненые бойцы и командиры не покидали поле боя.

Отважно дрался расчет орудия, которым командовал комсомолец сержант Вячеслав Екшин, наводчик Макушевский и артиллеристы Василий Ромах и Сергей Чуйкин. Они под градом пуль и осколков мин противника, находясь в боевых порядках подразделения, на руках перекатывали орудие с одного места на другое, более опасное, расстреливая картечью немецкую пехоту, и осколочными снарядами уничтожали огневые точки врага, мешающие продвижению вперед мотострелкам. Им всеми силами старались помочь бойцы, поднося снаряды с тыловых складов. Щит орудия был весь исковеркан осколками и пробит крупнокалиберными пулями. Был уже тяжело ранен Сергей Чуйкин и наводчик Макушинский, но орудие продолжало вести огонь, нанося гитлеровцам большие потери. И никто из артиллеристов до конца боя не вышел из строя.

Сержант комсомолец Николай Степанов во главе своего отделения на улице Калача смело бросался с отделением в рукопашные схватки. На углу одной улицы он скрыто подобрался к немецкому пулемету, мешавшему своим огнем нашим воинам продвигаться вперед, броском гранаты уничтожил двух пулеметчиков и вывел из строя пулемет. После этого мотострелки ринулись вперед и овладели многими домами, в которых засели гитлеровцы. Затем сержант Степанов за углом одного дома наткнулся на трех фашистских автоматчиков и, не растерявшись, быстро и метко дал автоматную очередь, уничтожив всех троих. И сам был ранен, но не вышел из боя, а продолжал вести своих бойцов вперед. Красноармеец, заряжающий минометы, Хамат Ганеев, оставшись один у двух минометов и будучи раненым, не отошел от них, а продолжал стрелять, посылая в скопления пехоты противника одну за другой мины. Он уничтожил около двух взводов фашистов, поджег два танка и истребил две огневые точки.

Комсомолец сержант Яков Антонович Сальников, командир отделения, со своими красноармейцами смело дрался за каждый дом, где засели фашисты, выбивая их огнем и гранатами. Его отделение уничтожило больше 20 гитлеровцев, он лично уложил двух немцев, но и сам был тяжело ранен и, истекая кровью, продолжал вести свое отделение на штурм то одного, то другого дома.

Командир роты 3-го мотострелкового батальона, кандидат ВКП(б) лейтенант Кондратий Кондратьевич Звинцев в рукопашной схватке на улицах Калача лично уничтожил 7 немецких солдат и одного офицера. И будучи раненным в руку, продолжал смело вести свою роту только вперед, выбивая гитлеровцев из домов и из захваченных траншей.

Таких примеров героизма было множество, и их не перечесть.

Кровопролитная борьба с немецко-фашистскими захватчиками в городе и на северо-восточной окраине продолжалась свыше двух часов. Противник нес большие потери, и стало видно, что вражьи силы тают. Вскоре гитлеровцы медленно, шаг за шагом, стали отходить, цепляясь за каждый дом, сад и куст, унося с собой убитых и раненых.

В этот момент брошенный резерв под командованием лейтенанта Ивана Швааба окончательно сломил врага, который стал поспешно отступать на хутор Камыши, и весь Калач был очищен от захватчиков.

Потом все стихло, части бригады вновь заняли свои узлы сопротивления. Энергично заработали медсестры М. Ананченко, М. Васильева, Л. Банокина, А. Носова и санитары В. Щетинин и Котов. Они выносили тяжело раненных воинов с места боя, оказывая им первую медицинскую помощь. На медпунктах без устали работали по спасению раненых командир медицинского взвода, майор, хирург В. Л. Рыклин, сделавший десятки операций. Много потрудились врачи Т. А. Евдоменко, Л. Ф. Верещинская, военфельдшер А. Г. Ивашин. Огромное внимание раненым воинам оказывали жители Калача. Они предоставляли им свои дома и сараи, помогали медсестрам и санитарам переносить раненых в помещения, приносили им в палаты молочные продукты, фрукты и овощи, дежурили у постелей тяжело раненных и кормили их. Одним словом, с материнской заботой делали все, чтобы облегчить их страдания и поставить бойцов на ноги. Кроме этого, с большим вниманием и радушием относились ко всем бойцам и командирам.

Большую помощь офицерам штаба 20-й мотострелковой бригады оказывала хозяйка дома № 27/29 по улице Красный Пахарь (ныне улица имени Героя Советского Союза Дубинец, дом № 49) Антонина Ивановна Бычкова, в доме которой стоял КП бригады, а в саду — блиндаж комбрига. Муж Антонины Ивановны, Кирилл Прокофьевич, в то время воевал в рядах 64-й армии недалеко от Калача.

Антонина Ивановна с большой теплотой относилась к военнослужащим штаба бригады. Она предоставила им весь дом, кровати, постельное белье и несколько раз давала продукты из

своих скудных запасов, и не раз говорила: «Кушайте и отдыхайте, дорогие товарищи, еще лучше и больше бейте проклятых фашистов». Сама же устраивалась отдыхать где-нибудь и как-нибудь. А когда 1 сентября 1942 года 20-я мотострелковая бригада по приказу Военного совета 62-й армии стала отходить на Сталинград, Антонина Ивановна, не задумываясь, оставила свой домашний очаг, ушла с отходящей бригадой.

Сейчас, когда прошло так много лет, мы, однополчане бригады, с благодарностью вспоминаем жителей города Калача и не забудем их никогда.

К вечеру мы хоронили погибших бойцов и командиров. Низко склонили свои головы герои, оставшиеся в живых, над могилами павших друзей, тех, с кем только что делили последний кусок хлеба, укрывались в окопе одной шинелью, курили одну закрутку на двоих, и вот их не стало.

В безмолвной тишине прощались мы навсегда с боевыми товарищами, отдавшими свою жизнь за честь, свободу и независимость нашей Родины. Похоронили мы в этот вечер и славного героя, командира роты разведчиков лейтенанта Егора Гавриловича Бирюкова, павшего в неравной схватке с врагом.

В этом тяжелом и кровопролитном бою мы принимали все меры, чтобы не дать возможности противнику прорвать нашу укрепленную линию в центре, прижать нас по частям к Дону и разгромить. Этот маневр врага мы сразу разгадали, как только начался бой. В итоге противник натолкнулся на наши сильные оборонительные позиции и на высокую стойкость всего личного состава бригады, а наши люди еще больше обрели уверенность, смелость и навык в бою.

Над освобожденным Калачом на землю опустились сумерки. Усталые бойцы всех подразделений после тяжелых схваток с захватчиками и большого нервного напряжения спешили поскорей привести оружие и себя в порядок, укрепить разрушенные блиндажи и хоть немного отдохнуть. Оставил и я свой НП, с которого стало не видно ничего, и пошел на новый КП бригады на южную окраину города.

Помню, здесь произошел случай, после которого у всех у нас появилось кроме ненависти чувство какой-то брезгливости к противнику. Прибежал на КП комсомолец Павел Павлович Бердов, волоча за собой большой узел. Видимо, от возмущения Бердов докладывал сбивчиво, но мы его поняли. Оказалось, что на северной окраине Калача, в лощине, упершись пушкой в откос бугра, стоял подбитый немецкий танк. Проходя мимо него, Бердов решил посмотреть, что делается внутри танка, — ему показалось, что там кто-то есть. И когда он залез в него, то там

никого не обнаружил, но прихватил вот этот узел. И Бердов развязал его. Из узла на пол посыпались детские платьица, рубашонки, штанишки, чулочки, женское белье.

— Вот мерзавцы! — не выдержал я. — Да это же настоящие грабители, а не солдаты!

Услышав наши возмущения, к нам поспешили штабные работники: Луговской, Скрыпник, Молозин, Величко. К той ненависти, которую мы питали к захватчикам, прибавилось чувство отвращения к врагу, так низко павшему морально…

Поговорив со штабными работниками по делам службы, а затем отдав распоряжение о сборе на совещание руководящего состава бригады, мы с комиссаром бригады Д. Давыдовым пошли проверить медпункт, который находился в двух домах и нескольких сараях на южной окраине Калача. Здесь располагалось сортировочное отделение медвзвода под командованием врача-хирурга капитана медицинской службы Марии Ивановны Киреевой (потом Рогач). Она среднего роста, худенькая, смуглолицая, застенчивая, но боевая, и в любых условиях, даже тогда, когда вблизи рвались снаряды, бомбы и мины, она не терялась и без суеты быстро наводила порядок на медпункте. Девять человек ее медсестер и санитаров работали хорошо и дружно по приему, сортировке, оказанию медпомощи раненым. Прибыв с Давыдовым на медпункт, мы осмотрели раненых, их размещение, поговорили с ними, большинство из них, кроме оперированных, в один голос говорили, что хотят идти в свои роты, но их отсюда не пускают. Давыдов находил для каждого теплые слова, прощаясь, сказал:

— Полежите, полежите, товарищи, поправляйтесь, набирайтесь сил. Будет время, и вы снова пойдете в свои подразделения.

Начальник эвакоотделения врач Киреева рассказала нам, что лично только она сделала перевязки 180 раненым бойцам и командирам и 5 операций тяжелораненым.

— Причем, — говорила она, — подавляющее большинство из них, несмотря на наши уговоры остаться на медпункте и подлечиться, категорически отказываются и уходят к себе в подразделения. Сегодня утром явился на медпункт молодой, высокий лейтенант, у которого пулей навылет был пробит бок. Пока обрабатывали ему рану, он мне рассказал, что в утренней схватке с фашистами лично уничтожил 7 фашистов. Потом оделся и, несмотря на то, что я его не пускала, тут же ушел, заговорщически прошептав, что его ждут бойцы взвода. Жаль, что забыла его фамилию, — закончила врач Киреева.

— Вот они какие у нас люди! — воскликнул комиссар

Давыдов. — Я не могу сейчас вам, Петр Сысоевич, рассказать детально, — продолжал комиссар, — сколько на сегодняшний день получено писем бойцами и командирами от их жен, отцов, матерей и невест, но в каждом письме все они пишут им примерно одинаково. О том, чтобы быстрее разбили проклятых фашистов и возвращались домой с победой.

Это клич к воинам родных людей, клич родного очага, клич советского народа. А сколько было прислано посылок бойцам на фронт с разных концов Советского Союза, и в каждой посылке тоже было письмо с призывом бить больше фашистских извергов.

Вечером мы собрались на совещание, на котором присутствовали командиры и комиссары частей и начальники служб. На нем мы разобрали наш сегодняшний бой и наши недочеты. Здесь же я отдал приказание командирам частей занять круговую оборону, правильно расставить огневые средства, установить четкое взаимодействие, особенно в критические моменты боя, помогая друг другу живой силой и огнем. Отпуская командиров, я напомнил, что противник не оставит нас в покое, он повторит свои атаки с еще большим остервенением, к этому мы должны быть готовыми. Просил продумать все до мелочей.

После совещания снова в подразделения пошли политработники и офицеры штаба, чтобы помочь командирам. В частях и подразделениях к этому времени были выпущены боевые листки, в которых воины призывались равняться на храбрейших, таких как лейтенанты А. Сахаров, К. Звинцев, И. Швааб, сержанты Н. Степанов, Я. Сальников, красноармеец Х. Ганеев.

Отличившимся было приятно сознавать, что их подвиг достойно оценен. Это придавало им новые силы, а на примерах героизма учились другие, как лучше бить врага. Боевые листки в подразделениях передавались бойцами из рук в руки и читались коллективно, а центральные газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда», полученные накануне вечером, настолько интересовали личный состав бригады, что зачитывались, как говорится, до дыр.

Так, в бою, труде незаметно подошла еще одна ночь. После жаркого дня она ободрила нас своей свежестью и прохладой. Вдруг, как по команде, в разных концах старого Калача застрочили немецкие автоматчики. Строчил один, недалеко от КП. Мы с майором П. М. Ковганом немедленно выскочили из блиндажа узнать, в чем дело. Но когда подбежали к месту стрельбы, автоматчик умолк. Наши поиски не дали результатов. Когда же мы ушли, через некоторое время автоматчик снова открыл огонь. Так делали и другие фашистские автоматчики в разных местах города, рассаженные гитлеровским

командованием, чтобы пугать нас и держать в постоянном напряжении. Это продолжалось в течение трех ночей. Но наши командиры и красноармейцы, испытанные в боях, поняв всю хитрость фашистов, не обращали никакого внимания на эту затею и делали свое более важное дело, чем искать ночью замаскированных фрицев. Плохо фашисты знали советского солдата. Недаром обер-фашист Геринг на Нюрнбергском процессе в 1946 году говорил, что они перед войной хорошо знали, сколько у нас в Красной Армии солдат, сколько пушек, танков и самолетов, но самого русского человека они не знали, и это была их самая большая ошибка. Гитлеру, Герингу и другим нацистам и в голову не пришло то, что наша родная ленинская партия за 23 года до войны не только сумела вооружить Красную Армию современным оружием, но и воспитала на идеях марксизма-ленинизма нового советского человека, который всем своим сердцем и разумом глубоко предан своему отечеству и партии. И он готов в любую минуту, в случаях агрессии, встать на защиту Родины и, если нужно, пожертвовать за нее собой. Ведь не случайно подвиг Александра Матросова повторили 263 воина разных национальностей Советского Союза.

В Калаче и на переправе эта ночь была тревожной. Под утро меня разбудила сильная стрельба на переправе. Я тут же схватил телефонную трубку и спросил командира 1-го мотострелкового батальона, в чем дело. Он доложил, что с западного берега Дона подошло несколько немецких лодок с автоматчиками к нашей части невзорванного моста и пытались тихо высадиться. Но их заметили наблюдатели батальона в скрытых пулеметных точках у моста и открыли такой огонь из пулеметов, что некоторые лодки были совершенно опустошены от десантников и плыли по течению, а остальные вражеские лодки с десантниками пустились наутек. И снова десантная операция противника была сорвана.

На какое-то время наступила тишина. Только в штабе бригады ни днем ни ночью не прекращалась работа, он гудел, как пчелиный улей: отдавались распоряжения частям, собирались сведения, проверялось исполнение приказов и распоряжений командования бригады.

Им некогда было отдыхать. Вот и сейчас я вижу: сидит у телефона майор Петр Данилов. Он настойчиво требует от всех командиров частей и отдельных подразделений наградные листы на отличившихся в бою.

— «Лилия», «Лилия»! — кричит он в трубку. — Я «Ландыш», «Лилия»! Очень хорошо. Почему так долго не отвечали, товарищ Шубин? Почему вы до сих пор не представили наградные листы и данные о потерях личного состава и техники? Давайте скорей, не

задерживайте, а то скоро утро.

Послышался короткий ответ Шубина:

— Сейчас высылаю.

Вошедший, усталый начальник связи бригады майор Михаил Михайлович Громов, доложил мне, что телефонная связь, нарушенная во время боя, полностью восстановлена.

Всю ночь без сна и отдыха работали тыловые труженики во главе с вездесущим капитаном Николаем Брусликом, снабжая части продовольствием, боеприпасами, создавая некоторые запасы в боевых частях.

С рассветом в небе снова появились самолеты. Они немного пробарражировали над нашей обороной, а потом один за другим пошли в пике. Вокруг Калача, как в кипящем котле, грохотали взрывы бомб, а стервятники все бросали и бросали свой груз на головы людей и строчили из пулеметов. Одновременно обрушила на нас снаряды немецкая артиллерия из-за Дона. Дрожала пересохшая земля в огне и дыму.

В это время противник по дороге из Сокоревки бросил на северо-восточную окраину Калача 8 мотоциклов с колясками, на которых сидело по два гитлеровца с пулеметом. При сильной поддержке артиллерии и авиации, на бешеной скорости, открыв огонь из пулеметов, они пытались ворваться в нашу оборону, пробить брешь и навести панику. Им на первых порах удалось это. Засыпав свинцом участок младшего лейтенанта Комара, они врезались в его оборону. Растерявшись от такого неожиданного огня и «тарана», он первый стал отходить, оставив траншеи. За ним, отстреливаясь, стали отступать бойцы его взвода. Обстановка на какие-то минуты сложилась опасная. Но были приняты вовремя меры командованием бригады, и положение было восстановлено. Враг потерял возле окопов 4 мотоцикла и 8 фашистов, а остальные умчались на Сокаревку. Но гитлеровское командование, надеясь на успех смертников-мотоциклистов, из направления Камыши — Илларионовский бросило против нас свыше двух полков пехоты, 25 танков. И снова, как вчера, они, развернув свои боевые порядки, стали охватывать дугой Калач.

Немецкие танки, развернувшись фронтом, обогнав свою пехоту, быстро приближались к минному полю. За ними в два ряда бежала пехота. Отважные артиллеристы подполковника Кузьмы Парфенова и капитана Василия Узянова организованно и без суеты, быстро разворачивали пушки для стрельбы прямой наводкой, а потом, прильнув к прицелам, выжидали, когда ближе подойдут танки. Бой разгорался.

Соловьев Петр Иванович, офицер связи.

Мне с комиссаром Дмитрием Давыдовым с НП было ясно видно, как два танка с перебитыми гусеницами крутились на минном поле, а еще три были подбиты артиллеристами П. Аврамчуком и А. Ефимчуком взвода лейтенанта Александра Сахарова. Они горели, как свечи, пуская в небо черные клубы дыма. После этого танки дальше не пошли, а начали маневрировать вдоль минного поля. Тогда гитлеровская пехота, подгоняемая офицерами, обогнав танки, двинулась на минное заграждение. Несколько фашистов взорвались на противопехотных минах, а другие все же прошли, быстро приближаясь к нашим узлам сопротивления. Они шли во весь рост, упирая приклады автоматов в живот и стреляя длинными очередями. Наши мотострелки и пулеметчики молчали,

подпуская ближе, чтобы потом косить наверняка. Лишь минометчики батальона старшего лейтенанта Василия Ивановича Ерхова вовсю били гитлеровскую пехоту, засыпая ее десятками мин. Только одна минометная рота младшего лейтенанта Кимаковского из своих 120-мм минометов стреляла так метко по скоплениям врага, что за два часа боя уничтожила до двух рот фашистской пехоты.

И все же, несмотря на большие потери, немецкая пехота, поддержанная своим огнем, преодолев минное поле, стала близко подходить к траншеям. Вот тут заработали наши пулеметы и автоматы мотострелков, уничтожая гитлеровцев. Губительный огонь косил их десятками, но они все лезли и лезли, пытаясь любой ценой захватить наши траншеи. Каждый красноармеец дрался за десятерых. Кое-где на восточной окраине города в оборону 2-го мотострелкового батальона ворвались фашисты. Там слышались крики, команды, автоматная стрельба, разрывы гранат и огонь из пушек артиллеристов Узянова.

Разгорелась рукопашная схватка. Советские бойцы стояли насмерть и выбивали гитлеровцев из захваченных траншей. Наконец фашистская пехота дрогнула, покатилась назад, усеяв поле трупами, но в двухстах метрах от переднего края залегла. На помощь ей двинулись танки, но им преградили дорогу огнем своих орудий бесстрашные комсомольцы — наводчики Павел Михайлович Аврамчук и Александр Яковлевич Ефимец. Против орудия Аврамчука шло 12 танков, а против Ефимца — 8. Немецкие танки осыпали их орудия градом снарядов. В этом поединке погибли заряжающие, замковые, правильные. Не стало подносчиков снарядов. Но Аврамчук и Ефимец одни сражались с бронированными чудовищами, метко ведя огонь. С НП мне хорошо было видно, как загорелся один немецкий танк, остановился другой с перебитой гусеницей, третий, пятый, седьмой, открыв с места сильный огонь из пушек по нашим орудиям. Одним разорвавшимся снарядом у орудия насмерть был сражен Аврамчук. Он упал лицом вниз, головой к врагу, широко раскинув сильные руки, ухватившись пальцами за родную землю, как будто бы мертвый говорил: «Не отдам злодеям святую землю!»

Так умолк наш запевала, весельчак, наш дорогой герой Павлуша. Погиб в неравной схватке у орудия и наводчик Александр Ефимец, бесстрашно стоявший против 8 немецких танков, он ни на шаг не отошел от орудия перед стальными громадами.

Незадолго до этого мать ему писала: «Смотри, сынок, как следует защищай наш край родной и живым возвращайся домой».

Но героя не стало, а долг свой он выполнил с честью. П. Аврамчук и А. Ефимец своей отвагой и героизмом сорвали танковую атаку гитлеровцев, подбив 7 танков врага. А в это время брошенный мною резерв Ивана Швааба, ударивший во фланг фашистам на восточной окраине Калача, окончательно сломил врага, который, неся огромные потери, быстро стал отходить на северо-восток, преследуемый нашим минометным огнем. После такой кровавой схватки захватчики в этот день больше не решались повторять атаки, и мы могли после многочасового боя отдохнуть и накормить бойцов. Стоящие начеку и ждавшие такого момента повара с горячей пищей уже спешили к усталым воинам.

Наступила очередная ночь. Придя на КП бригады, я первым долгом спросил у начальника штаба, нет ли связи со штабом армии. Он ответил отрицательно. Да, мы уже много дней с врагом деремся за переправу и Калач, а связи со штабом все нет и нет. Почему штаб армии молчит? Эта неизвестность меня беспокоила.

— Игнат Федорович, — говорю Турбину. — Думается, что 71-я дивизия, которую мы потрепали, уже полностью дерется против нас. Но нам не известно, какая же часть с западного берега Дона пытается захватить переправу? Через часа два вышлите разведку на западный берег во главе со старшиной Иваном Клименко, пусть он захватит там «языка». Кроме того, вышлите мелкие разведгруппы в направлении Камыши — Сокаревка и Колпачки с задачей узнать, где находится противник, что делает и каковы его силы.

Перед рассветом с западного берега Дона разведчики группы Клименко доставили «языка», унтер-офицера. Он рассказал, что несколько дней назад в район переправы у Калача и дома отдыха прибыла 3-я немецкая моторизованная дивизия с переправочными средствами, которой командует генерал-лейтенант Шлемер, и что дивизия имеет задачу захватить переправу и Калач.

Утром 27 августа, после небольшого отдыха, мы с Турбиным подсчитали оставшееся наличие людей и техники. Личного состава было в бригаде около 800 человек, да в 175-м батальоне укрепленного района около 100 человек. Из огневых средств осталось: орудий 76-мм — 6, орудий 45-мм ПТО — 5, минометов 120-мм — 3 и 82-мм — 6, пулеметов «Максим» — 6 (из 45 положенных по штату), ручных пулеметов — 10 (из 110 по штату), ружей ПТР — 8 (из 80 по штату).

Вот с таким небольшим количеством бойцов и командиров и мизерными огневыми средствами надо было во что бы то ни стало выстоять.

Если учитывать, что против нас дерутся две дивизии

противника (3-я моторизованная и 71-я пехотная) и в каждой — минимум 8 тысяч человек, не меньше, не считая танков и другой техники, то получалось, что против каждого нашего бойца и командира встанут 18 фашистов с подавляющим количеством огневых средств и авиации. Вот в каких тяжелых условиях пришлось сражаться воинам 20-й мотострелковой бригады в тылу врага.

Вся надежда была на стойкость и отвагу испытанных бойцов и командиров, готовых на самопожертвование, на умелую расстановку огневых средств, их маневренность на поле боя. Патроны, снаряды и мины еще были. Мы очень надеялись на таких отважных артиллеристов-командиров, как К. С. Парфенов, В. П. Узянов, А. В. Сахаров и минометчиков В. И. Ерхова, С. Ф. Должикова, Кимаковского.

Подсчитав все свои силы, мы тут же создали из оставшихся людей четыре роты: автоматчиков, управления, инженерно-минной и разведчиков, резерв бригады во главе с Иваном Шваабом и резерв из офицерского состава всех служб во главе с майором И. Ф. Рогачом, которые с автоматами и гранатами должны были драться как рядовые бойцы. Подчистили административно-хозяйственный состав во всех частях и послали их бойцами в траншеи, оставили на своих местах только тех, без кого нельзя было обойтись.

Противник в этот день атак не предпринимал, а лишь вел методический обстрел наших позиций артиллерией, да в воздухе носились взад и вперед несколько «мессеров», обстреливая из пулеметов и пушек траншеи мотострелков. Но мы хорошо понимали, что это затишье перед бурей. Враг готовился к чему-то большому. По сведениям пленных, захваченных на поле боя, и «языков», приведенных разведчиками, гитлеровское командование считало, что Калач и переправу обороняют крупные силы советских войск. Это подтвердил захваченный 27 августа в районе Ильевки вражеский лазутчик. На допросе он сказал, что ему дано задание узнать, какие части обороняют Калач и переправу, где КП командующего войсками обороны и места огневых позиций артиллерии и минометов. На мой вопрос, каким путем он пробрался на восточный берег Дона, он ответил, что переплыл Дон. Я спросил, какая дивизия противника находится на западном берегу Дона против Калача и моста. Он, не задумываясь, бодро ответил, что 3-я моторизованная, то есть то, что уже сказал «язык», захваченный ранее разведчиками.

Пока мы находились в штабе, пришла врач Мария Ивановна Киреева, которая со слезами сообщила печальную весть. Оказалось, что отправленные вчера на двух машинах

тяжелораненые бойцы в Сталинград в госпиталь по дороге подверглись бомбардировке немецких самолетов. В одну из машин, которую вел шофер Юра (его все звали только по имени), было прямое попадание бомбы. Все раненые и шофер Юра погибли. Об этом доложил прибывший шофер второй машины Плужников, сдавший раненых в Сталинграде.

Мы с болью в сердце выслушали эту трагическую весть. Я, как мог, утешал врача:

— Разве, Мария Ивановна, фашисты только это творят? Вы, наверно, слышали по радио сообщение, что они сотни тысяч, а может быть, и миллионы удушили в газовых камерах женщин, детей и стариков. Фашисты — это не люди, а настоящая чума. Крепитесь!

Вечером небо заволокло темными тучами, и ночь на 28 августа выдалась очень темной. Даже плохо было видно зеркало реки и почти не виден западный берег Дона.

Ночью немцы открыли по переправе интенсивный огонь из артиллерии и тяжелых пулеметов. В эту ночь я совсем не отдыхал. Как говорят, седьмое чувство подсказывало мне, что надвигается какая-то беда. Позвонил начальнику штаба, сказал, чтобы проверил связь с частями и подразделениями и наблюдательные посты. Утром противник снова, еще большими силами пошел в атаку с севера и востока, охватывая весь город двумя густыми цепями. Его артиллерия, минометы и развернувшиеся танки обрушили ураганный огонь по нашим позициям. Прилетели и бомбардировщики и один за другим пошли в пике, сбрасывая по несколько бомб каждый на наши траншеи. Тяжелые пулеметы заливали свинцом узлы сопротивления. Но наши молчали, подпуская врага поближе. Немецкие танки, обогнав свою пехоту и не снижая скорости, быстро подкатили к минному заграждению и выбросили с брони минеров для прокладки проходов. Мы это давно предусмотрели, поэтому здесь, на восточной окраине города, находились бронебойщики роты ПТР капитана Ивана Корнеевича Тарана, которым было дано задание не только подбивать немецкие танки, но и уничтожать минеров на случай их высадки. Вот тут бронебойщики и заработали, да так метко били на расстоянии 200–300 метров, что не многим фашистам удалось убежать. Немецкие танкисты, увидав это, не пошли дальше, а начали маневрировать перед минным заграждением. В этот момент из лощинок открыли огонь артиллеристы Василия Узянова и Александра Сахарова. Мгновенно задымил один немецкий танк, загорелся другой, замер на месте третий…

Видя заминку танков, к ним подошли частые цепи пехоты и,

преодолев минное поле, открыв бешеный огонь из автоматов, бегом бросились к нашим траншеям. Заработали все наши огневые средства, опустошая немецкие цепи. Ураганный огонь быстро охладил их пыл, фашистская пехота дрогнула, бросив убитых и раненых, покатилась назад, а им вдогонку били минометы.

Через несколько минут остановленная офицерами пехота снова пошла вперед и, преодолев минное заграждение, невзирая на большие потери, вплотную подошла к узлам сопротивления. Бойцы косили фашистов беспощадно, но они все лезли и лезли и во многих местах прорвали оборону. Завязалась рукопашная схватка за каждый окоп, траншею, блиндаж. Уже слышны крики: «Рус, сдавайся!»

Стойко отбивались наши солдаты от наседавшего врага. Я с тревогой и болью в сердце следил за ходом боя. Фашисты хотели лавиною огня и массой пехоты раздавить нас и захватить Калач. В это время майор Шубин сообщил по телефону, что немцы ворвались в его оборону на северной окраине города, что опорные пункты переходят из рук в руки и что немцы несут большие потери, но сильно нажимают. Несем немалые потери и мы. Я приказал ему во что бы то ни стало держаться, не робеть и выбить фашистов. Имеющиеся у меня резервы я не мог еще пускать в ход, не настало время. Тут позвонил командир 2-го мотострелкового батальона старший политрук Михаил Ковалев и сообщил, что немцы их прижали к восточной окраине города и до роты немцев уже ворвалось в Калач у дороги, идущей на Сталинград. Это меня очень забеспокоило. Я передал приказание лейтенанту Шваабу быть готовым по моему сигналу своим резервом атаковать эту прорвавшуюся роту, а сам все же решил проверить, так ли это. С комиссаром Дмитрием Давыдовым, майором Петром Ковганом, адъютантом Александром Жигалкиным и шофером Николаем Сурковым мы немедленно выехали на указанное место, но, не доехав примерно 150 метров до дороги, идущей из Калача в Сталинград, остановились, и, кроме шофера, все пошли пешком к дороге. Не прошли и 100 метров, как с противоположной стороны улицы появилась большая группа автоматчиков противника. Они, увидев нас и машину, сразу открыли огонь из автоматов. Упал раненый комиссар Давыдов. Помню, я крикнул Ковгану и Жигалкину, чтобы они бежали к комиссару и тащили его в машину, сам намеревался прикрывать их огнем. Они побежали, схватили раненого и бегом потащили его к машине. Я, став за дерево, очередь за очередью поливал огнем немецких захватчиков, бежавших к нам.

В эти минуты, помню, мозг сверлила только одна мысль:

успеют ли Ковган и Жигалкин донести Давыдова к машине раньше, чем немцы добегут до нее.

Фашисты уже были от меня в 40 метрах, я посмотрел назад, донесли ли раненого, но им осталось еще метров 15. Тогда я, открыв огонь, перебежал назад к следующему дереву. Тут ко мне, прячась за деревья, стреляя на ходу из автомата, подбежал Николай Сурков. Он одну за другой бросил в гитлеровцев две гранаты. Это на какое-то мгновение заставило фрицев остановиться. Мы воспользовались паузой, сорвались с места и бегом бросились к машине. Вскочили в нее только тогда, когда комиссар уже лежал в машине, но и в эти секунды мы огня не прекращали, пока Николай Сурков не дал ход «виллису». И мы помчались на КП.

Как видно, нам суждено было уцелеть, хотя эта минута была равна вечности. На командном пункте я приказал лейтенанту И. Шваабу уничтожить прорвавшуюся немецкую группу автоматчиков, а Дмитрия Давыдова отправить в госпиталь. Через час лейтенант Шваб доложил, что все до одного фашисты истреблены, но горячий бой и схватки по всей обороне вокруг Калача продолжались с нарастающей силой, с большим упорством с обеих сторон.

Загрохотали орудия у переправы. А потом по всей обороне началась огневая канонада. Снаряды и мины рвались десятками. Противнику каждый метр достался дорогой ценой. С переправы мне позвонил мой заместитель подполковник Гаврилов и доложил, что гитлеровцы, обрушив ураганный огонь из пушек и минометов по 1-му мотострелковому батальону и 175-му батальону 115-го укрепрайона, двинули к нашему берегу 15 моторных лодок с десантом. Кроме этого, за ночь они достроили западную часть моста и бросили по нему около 300 автоматчиков, которые бегом устремились к нашему берегу. Тогда комиссар батальона Тюленев и поднял батальон в контратаку. Произошла кровавая схватка на мосту. Много фашистов было перебито из пулеметов и в рукопашной схватке. Десятки их были сброшены в волны Дона. Здесь, на мосту, сержант комсомолец Леонид Григорьевич Юхнов из ручного пулемета скосил до 40 захватчиков. Разбиты несколько лодок с десантниками. Немцы бегут на западный берег. Мост сейчас расстреливаем из пушек и минометов, часть его горит. Печально то, что погиб смертью героя отважный комиссар Тюленев. Вражеская пуля пробила партийный билет и остановила горячее сердце коммуниста.

Только сейчас я понял, почему прошедшей ночью немцы стреляли до рассвета. Им нужно было больше шума для маскировки, чтобы достроить мост. Командование 3-й

моторизованной немецкой дивизии пыталось захватить плацдарм, они одновременно с атакой 71-й пехотной дивизии хотели нас взять в кольцо и уничтожить в Калаче всех до одного, согласно приказу командующего 6-й немецкой армией Паулюса.

В этот день кровопролитный бой за Калач не умолкал ни на одну минуту. В неравной схватке падали бесстрашные мотострелки. Таяли и вражьи силы. Но, несмотря на большие потери, противник все усиливал натиск, и к 15 часам ему снова удалось занять старый Калач (северную часть города). Судьба обороны висела на волоске. Учитель 1-й школы города Калача Петр Минанко сложил песню о том времени:

К Дону врагом прижатая…
Мин круговорот, снарядов,
Бой за боем, огня обвал,
Но насмерть дралась бригада.
Ни огонь, ни металл не брал.

Я верил своим родным бойцам и командирам, верил, что они сделают все, не жалея жизни, чтобы выбить врага из города, не дадут гитлеровцам закрепиться на захваченных позициях. С этой уверенностью отдал приказ командирам частей через час начать решительную контратаку с призывом «Вперед, только вперед! Смерть фашистским захватчикам!» Этот призыв был немедленно передан в части.

Наступил час, и командиры подняли бойцов в контратаку. Мы наносили ответный яростный удар. Пошли стеной. В цепи стрелков катили свои пушки герои-артиллеристы Узянова и старшего лейтенанта Егорова. Калиберными снарядами они уничтожали танки, картечью — пехоту и огневые точки врага, прокладывая дорогу нашим подразделениям. Со своими орудиями они появлялись на самых тяжелых участках боя. Их мужество и инициатива вдохновляли мотострелков, которые в полном взаимодействии с ними продвигались вперед. Каждый из воинов понимал, что сейчас идет схватка за жизнь всего личного состава бригады. Ожидать откуда-то помощи, когда все части 62-й армии у Сталинграда, исключено. В бою политработники и командиры, начиная от сержанта, наступали с лозунгом: «Вперед, товарищи, только вперед! Бей фашистов!» Бойцы отвоевывали каждый метр земли, каждый дом у фашистов. Крики «ура!», автоматные очереди, треск гранат, разрывы снарядов и мин гулом стояли в воздухе.

Парфенов Кузьма Степанович, командующий артиллерией бригады.

На центральной улице, где происходила самая тяжелая схватка, вдруг среди мотострелков 3-го батальона появился с автоматом высокий крепкий комиссар батальона Василий Андреевич Шубин. Его сильный голос далеко разнесся по улице:

— Вперед, товарищи! Бей фашистских гадов!

Красноармейцы и командиры дружно бросились врукопашную, забрасывая немцев гранатами, стреляли в упор, били прикладами, кололи штыком. Сам Шубин в этой схватке уложил двух захватчиков, бежавших на него с нацеленными штыками. Тут на подмогу батальону бросился резерв во главе с Иваном Тимофеевичем Шваабом, а 2-му батальону Ковалева был послан офицерский резерв под командованием майора Ивана Филипповича Рогача. Они с ходу бросились на немцев и стали теснить их.

Фашисты, ошеломленные дерзостью удара, растерялись и понемногу стали отходить, а наши батальоны, ободренные

подмогой и замешательством фашистов, пошли в решительную схватку.

Нажим мотострелков с каждой минутой становился все упорней, воины проявляли массовый героизм. Так, например, старший сержант комсомолец командир отделения автоматчиков Иван Иванович Григорьев, ведя свое отделение на штурм одного дома, в котором засели немцы, неожиданно с тыльной его стороны столкнулся с группой фашистов. «Рус, сдавайся»! — закричали ему враги, но он, не растерявшись, автоматной очередью уложил 5 солдат и одного унтер-офицера, а затем ворвался в дом и там уничтожил еще троих захватчиков. Сам был тяжело ранен, но, истекая кровью, продолжал драться. Когда подоспели к нему его автоматчики, разгоряченный Григорьев снова начал бить по врагу. Но в этот момент немецкой гранатой был сражен этот герой.

Комсорг Хаджимуратов в схватке за траншеи на восточной окраине Калача был окружен десятью гитлеровцами. Он не растерялся и бросил в них гранату, уничтожив 8 фашистов. Но очередью из автомата комсорг был смертельно ранен и все же, падая, набравшись сил, успел крикнуть: «Комсомольцы, вперед!»

Комсомолец лейтенант Георгий Ефимович Смирник, командуя двумя тяжелыми пулеметами и находясь в рядах атакующих мотострелков, все время хорошо обеспечивал своим огнем продвижение вперед. Его пулеметные расчеты под сильным огнем противника, умело маскируясь, смело продвигались вперед, поливая захватчиков огнем. Его пулеметные расчеты за время боя истребили около роты гитлеровцев.

Минометная рота лейтенанта Семена Федоровича Должикова из своих минометов 28 августа в решающей схватке за город уложила свыше роты немецких солдат и офицеров. Кроме этого, за все предыдущие дни боев за Калач до 28 августа, по архивным данным, его рота уничтожила около 300 немецких солдат и офицеров, 2 минометные батареи и 5 огневых точек.

Много уничтожил фашистской пехоты в этом бою огневой взвод лейтенанта А. Сахарова. Много истребил переправочных средств фашистов лейтенант Яковлев своей артиллерийской батареей, не давая противнику переправиться на наш берег Дона.

Так мужественно и отважно сражались наши люди на всех участках обороны, контратакуя врага. Удары резервов Ивана Швааба и Ивана Рогача были настолько стремительными и дерзкими, что фашисты сразу стали пятиться назад, цепляясь за каждый дом и куст. Затем гитлеровская пехота побежала, уничтожаемая метким огнем, оставляя сотни убитых, а за ней, отстреливаясь из пушек, стали отходить и танки. Увидев бегство

фашистов с наблюдательного пункта, я с облегчением вздохнул, хорошо понимая, чем могла кончиться эта ужасная схватка.

Тут один за другим стали звонить командиры частей. Все они с радостью сообщали о бегстве фашистов из города и из траншей на восточной окраине Калача. Несмотря на то, что враг был силен и опытен, из Калача ом удирал, теснимый нашими орлами. Огонь артиллерии и минометов продолжал гвоздить в степи бегущих гитлеровцев. Пулеметы тоже находили прятавшихся, фашистов. Только после того, как они перевалили через высоты северо-восточней Калача, огонь наш стих. И как-то странно, непривычно тихо стало после такого грохота.

Рассказ о героях этого дня был бы неполным, если бы я не написал еще и о тех, чья храбрость, отвага были образцом и источником вдохновения для всех участников обороны Калача. Мне трудно даже оценить подвиг на поле боя командующего артиллерией бригады подполковника К. С. Парфенова и командира артиллерийского дивизиона капитана В. П. Узянова. От их смелого и мастерского руководства огнем во многом зависела оборона Калача и переправы. Эти активные, вездесущие, организованные командиры-артиллеристы действительно доказали, что наша артиллерия на поле боя — «бог войны». Им активно помогали связисты артдивизиона сержант В. И. Митрохин и рядовой В. П. Ромах. Линию связи всегда держали в отличном состоянии, и все команды к открытию огня передавали батареям быстро и точно.

В. П. Узянов — хороший знаток артиллерии. Он еще в боях под Москвой прославился в октябре 1941 года, когда командовал артиллерийским взводом. Там его взвод в схватке с немецкими танками уничтожил 12 машин, за что он был награжден орденом Красной Звезды.

А разве можно забыть бесстрашного лейтенанта И. Т. Шваабa! Не считаясь с численностью врага, он кидался в гущу схваток. В бою 28 августа он был тяжело контужен, потерял сознание. Два месяца пролежал в санчасти бригады и вернулся в строй. Впоследствии в боях с фашистами в Польше в августе 1944 года, недалеко от села Любля, Шваб со своей ротой разгромил полный батальон гитлеровцев и захватил 17 пленных, а затем, преследуя батальон бегущих немцев, вырвался далеко вперед, был тяжело ранен и захвачен в плен. Фашисты облили его бензином и сожгли живым.

Нельзя обойти добрым словом и начальника связи бригады майора Михаила Михайловича Громова, замечательного связиста и героя последнего боя, в котором он дрался рядовым бойцом. Ом уничтожил несколько фашистов и, тяжело раненный, был вынесен

с поля боя. Добрым словом надо вспомнить и майора И. Ф. Рогача, отважного и храброго воина-коммуниста и хорошего разведчика.

Можно было бы рассказать о сотнях особо отличившихся наших бойцов и командиров, которые сбили спесь с «псов-рыцарей».

Когда выбили немецко-фашистских захватчиков из Калача, солнце было на закате. Угасал горячий день. Над Доном наступила тишина. На высотках, окраинах и в степи оставшиеся в живых хоронили своих боевых друзей. Сердца бойцов были полны великой мести.

— Мы не забудем вас, дорогие. Враг заплатит за вас сполна…

На КП бригады меня встретил радостный майор Турбин:

— Товарищ полковник, вас вызывает к рации врио начальник штаба 62-й армии полковник Камынин.

Я подошел к рации:

— Слушаю.

— Это вы, товарищ, Ильин? Говорит полковник Камынин. Где вы сейчас находитесь?

— Да, это я. Но для меня непонятен ваш вопрос. Мы находимся в городе Калаче и удерживаем его и переправу.

— Позволь-позволь, как в Калаче, там же немцы?

— Нет, — отвечаю я, — мы немцам город и переправу не отдавали и не отдадим. Они два раза занимали полгорода, но в кровопролитных схватках бригада вышибла их из Калача. Они несколько раз пытались десантом захватить плацдарм на нашем берегу, а в прошедшую ночь даже восстановили мост. Но мы сбросили врага в воду, а мост снова разрушили. Все эти дни мы не получали от вас никаких приказов, на наши позывные вы не отвечали. Мы ведем тяжелейшие бои. Противнику нанесли большие потери в живой силе и технике, но и у нас…

Камынин перебил меня:

— Да, да, я вас понимаю, товарищ Ильин. Подождите немного у рации, доложу Военному совету.

Через три минуты Камынин снова заговорил:

— Скажи, товарищ Ильин, а где твой КП?

Я, конечно, понял из этого вопроса, что исполняющий обязанности командующего 62-й армией генерал-майор Николай Иванович Крылов и член Военного совета дивизионный комиссар Кузьма Акимович Гуров никак не хотят верить, что Калач в руках бригады, так как с 23 августа они считали, что город захвачен гитлеровцами, и сообщили об этом в штаб фронта, а оттуда в Москву. А тут вдруг Ильин говорит, что 20-я мотострелковая бригада удерживает Калач. Правду ли он говорит? Поэтому я

ответил на вопрос Камынина так:

— Мой командный пункт находится на юго-западной окраине города, но место его прошу не уточнять потому, что КП немцы ищут.

— Хорошо, подожди еще минутку у аппарата.

И снова минуты две молчание, а затем он продолжил:

— Товарищ Ильин! Военный совет благодарит тебя. Передай благодарность личному составу и держись, дорогой.

На этом наш разговор закончился. «Значит, надо держаться, — подумал я. — Хорошо, что Военный совет знает теперь, где находится бригада и, может быть, окажет какую-либо поддержку».

После этого я попросил Игната Турбина и Романа Михайленко, чтобы они сообщили личному составу, что Военный совет армии за проявленный героизм и отвагу воинам бригады вынес благодарность и приказал удерживать Калач и переправу. Затем мы занялись подсчетом потерь. Оказалось, что в бригаде осталось со мной вместе 128 человек, 8 пушек, 8 минометов и 9 пулеметов. Мне ясно было, что если противник повторит еще одну атаку, мы хотя и будем драться до последнего вздоха, он раздавит нас.

Начальник штаба приказал собрать на совещание руководящий состав бригады: начальника политотдела майора Николая Михайловича Бурова, командующего артиллерией К. С. Парфенова, В. П. Узянова, В. И. Ерхова, И. К. Тарана, подполковника Гаврилова, комиссаров частей В. А. Шубина, А. Н. Осипова, М. М. Ковалева и других.

На совещании я сказал, что Военный совет 62-й армии знает, как бригада дралась, удерживая Калач и переправу, приказал и дальше выполнять эту задачу. Но у нас осталось мизерное количество людей, и нам надо так распределить красноармейцев по траншеям, чтобы они в случае атаки противника, стреляя с одного места, немедленно перебегали на другое, показывая немцам, что в траншеях нас еще много. Приказал большинство тяжелых пулеметов поставить на косоприцельный и кинжальный огонь, а на артиллеристов Парфенова, Узянова и Ерхова возложил ответственность за оборону. Их артиллерийский и минометный огонь должен везде помогать мотострелкам уничтожать врага.

На этом короткое совещание закончилось. Все стали готовиться к последней и решающей схватке с противником. Строили перед траншеями заграждения, умело расставляя огневые средства. Даже успели провести партийно-комсомольское собрание, с вопросом о передовой роли коммунистов и комсомольцев в решающем бою.

Прошла еще одна ночь, и снова встал рассвет в тревогах и заботах. За три недели жесточайших боев в тылу противника, оторванные от штаба армии и от своих соседей, мы ни на шаг не отступили от Калача.

Утром я немного заснул, но вскоре проснулся. Кругом стояла тишина. Солнце уже вышло из-за горизонта. Нигде ни выстрела. «Что-то фашисты затеяли», — подумал я, как вдруг Турбин из-за кустов кричит:

— Товарищ полковник, вас кто-то вызывает к телефону, но мне не говорят, зачем и кто просит.

Я подошел к аппарату:

— Я вас слушаю, что вы хотите?

В ответ услышал на чистом русском языке:

— Слушайте, полковник, что вы деретесь здесь, в Калаче, и проливаете зря кровь? Все ваши части давно уже в Сталинграде. Уходите скорей.

Я спросил:

— Кто со мной говорит?

В ответ в трубке послышались тихие голоса, затем смех. Я понял, что со мной говорил враг. Немедленно послал на линию захватить лазутчиков или выяснить, где подключались они к линии связи. Через 30 минут Турбин мне сообщил, что лазутчиков захватить или выяснить, где подключались они к линии связи, не удалось, но место обрыва в проводе нашли.

Мне стало ясно, что гитлеровская войсковая разведка, вероятно, получила задание от немецкого командования переговорить с начальником обороны Калача, чтобы мы ушли из города. Ведь мы сидим у них на «хвосте». Наша артиллерия и минометы расстреливают спускающиеся к Дону колонны. Больше того, за дни кровопролитных боев в районе Калача, по сохранившимся у меня и у подполковника К. С. Парфенова записям, гитлеровцы в схватках с нашей бригадой потеряли около 3600 убитых солдат и офицеров, 16 танков, 3 бронетранспортера, 150 повозок с имуществом, 16 грузовых машин, 18 тяжелых пулеметов, 16 минометов, 13 орудий, 15 мотоциклов, 2 самолета и много другой техники. А это их тревожило. Им нужны были силы для захвата Сталинграда.

Кроме этого, меня очень удивило предложение немецкого командования, чтобы мы — небольшое количество солдат и офицеров бригады — ушли из Калача, вместо того, чтобы уничтожить нас, как этого требовал приказ командующего 6-й немецкой армией генерала Паулюса. Я воевал с белогвардейцами всю гражданскую войну и никогда не слышал, чтобы преобладающий по численности, сильный враг после многих дней

кровопролитных боев просил уйти с обороняемого объекта добровольно. Значит, героические бойцы 20-й мотострелковой бригады допекли их здорово. Враги боялись и того, что в удобный момент мы можем ударить с тыла по наступающим на Сталинград немецким войскам.

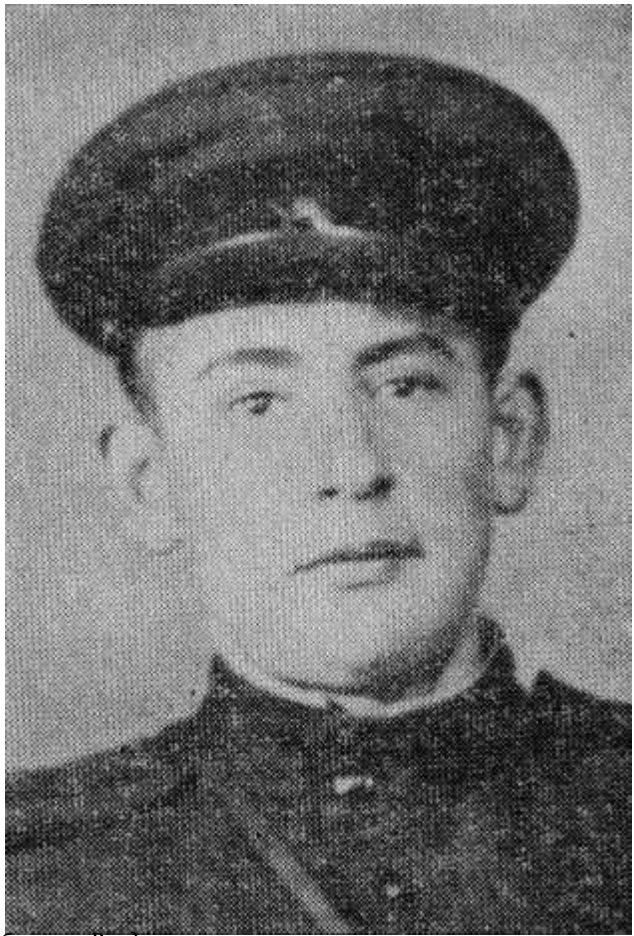
После этого предложения противника прошло уже много часов, как вдруг над нашими позициями снова появились немецкие самолеты и стали разбрасывать тысячи листовок, в которых говорилось:

«Красноармейцы, командиры и политработники 20-й мотострелковой бригады! Вы окружены, и нечего вам зря проливать свою кровь. Хотя ваша бригада хорошо укомплектована и вооружена, но вам из кольца окружения все равно не выйти, сдавайтесь! Командование немецкой армии гарантирует вам свободу и жизнь».

На провокационные листовки воины бригады ответили еще большим сплочением своих рядов.

Меня не удивляли вражеские листовки, которые фашисты разбрасывали уже не один раз, а удивило то, что в листовке немцы обращались именно к воинам 20-й мотострелковой бригады. Значит, враг теперь знал, с кем дерется. Это тревожило, ведь теперь легко можно подсчитать наши оставшиеся силы. Единственное, что успокаивало — в листовках враг пишет: «Хотя бригада хорошо укомплектована и вооружена…» Значит, противник еще думает, что бригада сильная.

Все мои догадки подтвердились спустя много лет, когда прочитал военные мемуары немецких генералов о боях под Калачом.



Сын комбрига — Владимир.

Бывший командир 3-й немецкой моторизованной дивизии генерал-лейтенант Шлемер говорил, что в августе 1942 года он предполагал, что сравнительно легко достигнет Калача и захватит мост через Дон, но он вынужден был признать, что вопреки ожиданиям легкой победы его дивизия вблизи моста через Дон у Калача испытала на себе контрудар. «Атаки русских были настолько сильны, что 3-я моторизованная дивизия должна была отступить на линию высот 146,0 — 169,8 — 174,9 — Дон». Эти строки я взял из книги Маршала Советского Союза К. С. Москаленко «На Юго-Западном направлении».

Второй немецкий генерал-майор — Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград» пишет, что бои в районе Калача «…дали советскому командованию выигрыш во времени примерно три недели…».

Горькое признание наших противников, повествовавших о тяжелых и кровопролитных сражениях за Калач-на-Дону с

отважными частями знаменитой 62-й армии в этом районе, говорит нам и о том, что воины 20-й мотострелковой бригады тоже вложили в эту победу немалую долю.

Пусть простит читатель меня за то, что я так скрупулезно веду счет суровым дням. Я пишу кровью своих погибших и раненых солдат, и мне хочется рассказать людям, и особенно молодежи, как героически дрались каждый день и каждый час их отцы и деды с фашистами в Сталинградской битве.

Вечером 29 августа противник снова нас бомбил, а 30 августа день прошел в огневой перестрелке, да прилетела зловещая «рама». Но мотострелки не почили на лаврах, они очень много трудились по укреплению обороны и исправляли разрушенные сооружения. Командование бригады и весь личный состав каждый час ожидали, что противник возобновит свои атаки, тем более что гитлеровскому командованию теперь было известно, кто обороняет Калач и переправу. Тревожило, что штаб армии не отвечает на наши позывные.

Но вдруг поздно вечером 31 августа меня вызвал к рации полковник Камынин и открытым текстом говорит:

— Товарищ Ильин?

— Да, — отвечаю я.

— Здравствуйте! Как у вас дела?

— Ничего, пока держимся.

— Вот что, — говорит Камынин, — Военный совет армии приказывает тебе сегодня ночью сниматься со всем хозяйством и идти на нас. Ты знаешь, куда. Тебе на помощь будет послан бронепоезд, командир которого найдет тебя на дороге Калач — Сталинград.

— Товарищ Камынин, бронепоезд присылать не надо, он скует наш маневр и привяжет к железной дороге. Да и жалко бронепоезд, его может разбомбить авиация.

— Все это хорошо, но есть приказ командующего, и ждите бронепоезд.

Сразу же после этого указания был собран весь командно-политический состав бригады и подразделения 175-го батальона укрепленного района. И был отдан приказ о снятии всех частей с обороны и сосредоточении их в 2-00 часов 1 сентября на дороге, идущей в Сталинград с восточной окраины Калача. Причем все были предупреждены, чтобы снимались тихо, бесшумно, соблюдая полную маскировку. Но с целью маскировки, чтобы ввести противника в заблуждение, я приказал Кузьме Парфенову в 1 час 55 минут на 5 минут открыть беглый огонь из пушек по огневым точкам врага.

Все части и отдельные подразделения бригады и 175-го

батальона укрепленного района быстро свернулись на участках своей обороны и организованно прибыли на место сбора.

Соблюдая светомаскировку, с включенными моторами на тихих оборотах, приехали и все автомашины, нагруженные боеприпасами и имуществом, и заняли свои места на дороге. А в назначенное время артиллеристы капитана Узянова открыли беглый огонь.

ПРОРЫВ

К двум часам все были в сборе, за исключением медработников сортировочного отделения М. И. Киреевой. Ночь выдалась темная. Кругом ни звука. И вдруг: чи-чи-чи-чи — послышалось шипение поезда, и через минут десять появился командир бронепоезда подполковник (фамилию не помню) и доложил:

— Товарищ полковник, бронепоезд прибыл в ваше распоряжение согласно приказу Военного совета 62-й армии!

— Немедленно, пока не рассвело, следуйте обратно, а мы будем действовать самостоятельно. Об этом доложите Военному совету армии и скажите, что я благодарю их за эту помощь. — И тут же подал команду «по машинам». На машины сели не только здоровые и легкораненые, к ним были прицеплены пушки и тяжелые минометы.

С потушенными фарами, тихо в ночном мраке двигалась колонна в 38 машин. Водители, привыкшие к темноте, строго соблюдали дистанцию. Вскоре рассвело, но ехали, еще не замеченные врагом.

Выглянувшее как из-под земли солнце обогрело бойцов своим теплом. В середине колонны, на одной из машин, сержант комсомолец инженерно-минной роты Михаил Холошин запел высоким тенором написанную им самим песню:

Мчитесь бешено, машины,
Смело, танки, рвитесь в бой…

И тут же все воины в машине подхватили:

Мы бойцы подразделений
Из бригады боевой.

Песня захватила воинов и на других машинах. И полетели ввысь и в стороны ее боевые переливы. Не доезжая песчаного карьера и хутора Старый Рогачик, мы увидели в воздухе группу немецких бомбардировщиков в 30 самолетов. Они летели в стороне, тяжело нагруженные бомбами, и я думал, что нас не заметят и пролетят мимо, но они увидели колонну и повернули. Я быстро подал команду рассредоточиться машинам. Адъютант А. Жигалкин закричал:

— Товарищ полковник! Скорей в окоп!

Мы вчетвером, майоры И. Турбин, П. Ковган, медсестра М. Ананченко и я, прыгнули в окоп. Больше окопов вокруг не было. Бойцы, как горох, рассыпались по полю, прижавшись к своей матушке-земле, хорошо зная, что неприятность может быть только от прямого попадания бомбы или ее близкого разрыва.

Бомбардировщики пошли в пике один за другим. Бомбы сыпались на наши головы, как картошка из мешка. Вдруг одна из них попала прямо в наш окоп, только в другой отсек. Я, засыпанный землей, потерял сознание и очнулся через некоторое время. Еще кружилась голова и мелькали красные шарики в глазах. И первым долгом спросил товарищей, живы ли они. К счастью, живы были все. Но радоваться было еще рано: бомбы летели и летели и падали очень близко, обдавая нас взрывной волной.

Когда смотришь на летящие бомбы, а они, кажется, летят прямо на тебя, невольно представляешь — ну вот, это моя последняя. Но больше всего с болью в сердце думал о храбрецах, лежащих на открытом поле: обидно было погибать от бомбы, а не в открытой схватке.

Через несколько минут воздушные пираты улетели. Помощник начальника штаба майор П. Г. Данилов быстро пробежал все подразделения, узнал о потерях. На поле видно было, как горела штабная машина. Он доложил, что кроме этой горящей машины, в которой был убит шофер, других потерь нет. Документы в машине были спасены благодаря смелости штабных работников капитанов Великжанина, Крамаренко, Грудника и красноармейцев охраны Коршунова, Еремеева и Куклина. Иной раз ведь налетало столько самолетов и бомбили столько часов подряд, что казалось со стороны: все живое на земле сгорело, разбито, уничтожено. Потом выяснялось, что благодаря заранее принятым мерам люди в окопах с хорошей маскировкой понесли небольшие потери. А бывало и другое: налетят один или два бомбардировщика и наделают столько беды, что ума не приложишь, как могло такое произойти.

Такой случай был у меня на глазах в феврале 1942 года в районе Северного Донца, когда один из кавалерийских полков 6-й гвардейской кавалерийской дивизии въехал с целью маскировки в редкий лесочек. Тут же налетел один немецкий бомбардировщик, сбросил полтонную бомбу в центр колонны, полк потерял 106 лошадей и 92 кавалериста.

Однако вернемся к бригаде. Как только закончился налет, колонна двинулась вперед к песчаному карьеру, недалеко от села Карповка. Прибыв на место, заняли в песчаном карьере оборону

фронтом на восток, и только успели построить командный пункт и его замаскировать, как появилась девятка немецких воздушных пиратов и точно начала сбрасывать бомбы на наш КП. Вокруг все загремело, засвистело, заволокло пылью и огнем, казалось, сейчас земля провалится куда-то в преисподнюю, а наш КП прямым попаданием бомбы был разрушен до основания. Счастье, что ни одного работника штаба в этот момент не находилось в блиндаже.

После этого КП был перенесен в другое, более удобное место и еще лучше замаскирован. И только работу закончили, как снова прилетели бомбардировщики, снова его разрушили. И опять все работники были в подразделениях. Тогда я приказал построить КП на реке Карповке, сделать в ее восточном, отвесном берегу большие ниши, где бы можно было работать. Ну, думал, здесь-то наш КП не найдут, и на какие-то полчаса мы все вышли из ниш пообедать. Вдруг смотрим, летят гуси и тут же сели на гладь реки Карповки против КП. Я в шутку кричу красноармейцу — 16-летней поварихе Зое Ивановне Жигалкиной (тогда ее просто звали Зоей):

— Зоя! Я сейчас подстрелю гуся, ты заберешь его и сделаешь из него жаркое работникам штаба.

Прицелившись из револьвера на расстояние метров 150, выстрелил, и один гусь упал. Тут Зоя с огромной радостью, босиком побежала, достала гуся, схватила его за шею и подняла на уровень своей головы, а ноги гуся волочились по земле. Ростом она была очень маленькая, и мы от души смеялись над забавной картиной вместе с ней.

Но вдоволь нам насмеяться помешали снова появившиеся самолеты. После бомбежки они летали вдоль долины реки Карповки и стреляли из пушек по нашим нишам. Тогда я понял, что кто-то ведет за нами наблюдение и передает координаты. В этот момент мимо шел майор П. М. Ковган.

— Петр Матвеевич, зайди-ка ко мне, — говорю ему. — Ты знаешь, мне кажется, у нас где-то и кто-то находится с рацией, и по координатам точно направляет немецкие бомбардировщики на КП бригады. Ведь не случайно же так получается: как только мы построим и хорошо замаскируем КП, прилетают немецкие бомбардировщики и точно пикируют на КП бригады. В течение 4 часов наш штаб трижды переносил КП, и все три раза противник засыпал его бомбами и дважды разрушал, а последний раз даже обстреливал из пушек. Надо найти этого человека во что бы то ни стало.

Ковган не сказал ни да ни нет и, отшутившись, ушел от меня. Но я не ошибся. На самом деле, как выяснилось впоследствии, в

бригаде оказался засланный немецкой разведкой лазутчик.

А какая же обстановка сложилась на 1 сентября 1942 года вблизи Сталинграда для 62-й армии, когда 20-я мотострелковая бригада пришла в район песчаного карьера и Старого Рогачика?

В районе Сталинграда в то время обстановка была очень тревожной. Несмотря на то, что Верховное Главнокомандование предпринимало все меры для того, чтобы быстрее направить сюда имеющиеся резервы, противник сумел сконцентрировать здесь значительно большие силы. Ясно было, что гитлеровцы готовятся к новому наступлению.

А. М. Самсонов в своей книге «Сталинградская битва» пишет: «1 сентября противник вновь перешел в наступление. Главный удар наносился врагом в направлении разъезда Басаргино — станция Воропоново. В это наступление германское командование бросило большое количество авиации, танков и самоходной артиллерии. И 1 сентября противник занял Басаргино…»

А вот что повествует в своей книге «Великая победа на Волге» Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский: «Выход 24-й танковой дивизии противника (1 сентября) в район разъезда Басаргино обеспечил свободу действий 51-му армейскому корпусу, наступавшему на правом фланге 6-й немецкой армии вдоль железной дороги Калач — Сталинград.

Вместе с тем этот выход создал угрозу тылу 62-й армии и возможность прорыва танков на Сталинград. Положение осложнялось еще и тем, что некоторые соединения 62-й и 64-й армий (131-я, 112-я. 157-я стрелковые дивизии, 66-я морская стрелковая бригада, Военное училище им. Орджоникидзе) опаздывали с отходом на средний оборонительный обвод, а 38-я и 29-я стрелковые дивизии потеряли значительную часть артиллерии».

Таким образом, противник с захватом Басаргино закрыл крупными силами коридор, по которому должна была выходить к Сталинграду 20-я мотострелковая бригада и другие части и соединения, оказавшиеся в окружении в районе Карповки.

А теперь вернемся в расположение бригады. Как известно, когда части бригады уходили из Калача, там еще осталось сортировочное отделение с медперсоналом и несколько тяжелораненых во главе с врачом Марией Ивановной Киреевой (Рогач). После погрузки раненых они должны были догнать колонну бригады по дороге на Карповку, но не догнали. И вот прибывшая вскоре на машине в район песчаного карьера Мария Ивановна рассказала:

— Когда бригада уехала, мы быстро обработали раненых и на носилках положили их в машину. За ними в машину вскочили

сами и только хотели ехать, как к нам подошел какой-то тип и спрашивает: «Чья это машина и куда едете?» Я ему ответила, что машина медицинская, а куда едем, не знаю. После этого он немедленно отошел от машины и скрылся в темноте, но нам всем он показался подозрительным. Тогда мы, ожидая нападения на нашу машину, по дороге на Карповку вооружились автоматами, решили свернуть на проселочную дорогу с мелким лесочком. Наша машина при лунном свете быстро понеслась вперед. Вдруг раздался взрыв сзади. Машину сильно тряхнуло, но все обошлось благополучно. Вероятно, под заднее колесо машины попала мина. Сворачивать было некуда, назад возвращаться нельзя, и мы понеслись еще быстрей, с бешеной скоростью вперед. Вот так и проскочили.

— Хорошо, что все кончилось хорошо, — заметил я.

В 14 часов ко мне явился командир 60-го укрепленного района, занимающего оборону восточнее песчаного карьера, в дзотах, подполковник (к сожалению, забыл фамилию) и доложил мне, что он получил приказание Военного совета 62-й армии о том, что все части и соединения, оказавшиеся в окружении в районе Карповки, в том числе и 60-й укрепленный район, подчинены командиру 20-й мотострелковой бригады.

А еще через несколько минут после этого прибыли со своими частями командир 66-й стрелковой морской бригады А. Д. Державин и комиссар подполковник М. П. Ломоносов, начальник и комиссар Грозненского училища имени С. Орджоникидзе, командир и комиссар 48-го укрепрайона.

Все эти соединения были расположены в оврагах и лощинах в районе песчаного карьера и Карповки. Их командиры находились на моем НП на высотке в районе песчаного карьера.

К этому времени солнце уже стало садиться, и тут мы увидели, как со стороны Басаргино на гладком поле развернулось около ста немецких танков и до двух полков пехоты. Танки в два плотных ряда, лязгая гусеницами, не открывая огня, двигались в направлении нашей обороны. За ними густыми цепями бежала пехота. Это была 24-я танковая немецкая дивизия, занявшая Басаргино, и пехотные полки 51-го армейского корпуса. Я тут же вызвал к себе командира 60-го укрепрайона и спросил, сумеет ли он отразить танковую атаку врага и есть ли у него термитные снаряды. Он мне уверенно ответил, что весь личный состав 60-го УРа, в том числе и он, умрут, но врага не пропустят. Я сразу поверил в этого смелого, решительного и волевого командира, и он оправдал себя в этом бою. А подполковнику К. Парфенову приказал, чтобы немедленно все орудия поставил на прямую наводку для стрельбы по танкам. Пулеметы и минометы вместе с

мотострелками бригады должны уничтожать пехоту, а огонь открывать только тогда, когда начнут стрелять дзоты 60-го укрепрайона, по моему сигналу ракетами с НП. Мы надеялись ошеломить врага мощным огневым ударом, иначе нам было бы трудно бороться с таким сильным противником. 66-я морская бригада, училище имени С. Орджоникидзе и другие части находились в резерве, так как сразу нельзя было развертывать все части в такой обстановке, ибо немцы могли нас атаковать со всех четырех сторон. Танки шли нагло и уверенно.

Наступили тревожные минуты. Даже видавшие многое в жизни командиры с волнением подходили ко мне и спрашивали:

— Товарищ полковник, почему не открываем огня? Танки противника подходят к нашим боевым позициям.

Пришлось отвечать резко:

— Не мешайте, товарищи, идите на свои места и ждите указаний.

А сам продолжал пристально наблюдать за двигающимися немецкими танками, выбирая момент для открытия огня. Я хорошо понимал: в этой тяжелой обстановке если ошибусь, то это будет стоить очень дорого всей нашей окруженной группе войск. Поэтому огонь по танкам противника с дальних дистанций, я был убежден, не даст никаких результатов. Мы только раскроем свое малое количество артиллерии, потеряет значение 60-й укрепрайон, на который я возлагал большие надежды в разгроме танков врага, во взаимодействии его с артиллерией 20-й мотострелковой бригады.

Все это мгновенно проносилось в голове во время наблюдения за двигающимся врагом. Возникла полная уверенность в том, что наш внезапный удар огневым мечом ошеломит захватчиков и мы одержим победу. Так оно и получилось.

Когда до танков осталось метров триста, я приказал всем открыть огонь, и поле боя сразу ожило. Ураганным огнем были встречены захватчики. Через несколько минут уже горели и дымились 12 танков. Нам было хорошо с НП видно, как редели цепи фашистской пехоты. Мы слышали даже крики и ругань немецких офицеров, подгоняющих своих солдат. Немецкие танкисты, попав в зону сплошного огня, открыли беспорядочную стрельбу из пушек и первое время еще пытались продвинуться вперед. Но когда увидели, что начало гореть еще много танков, это привело их в полное замешательство. Танки круто повернули назад и, не обращая внимания на свою пехоту, стали быстро удирать, а за ними, поливаемая нашим беглым огнем, побежала и пехота.

Горячий бой длился не более часа. Противник потерял свыше двух рот пехоты, а когда стемнело, мы с комиссаром Романом Михайленко по пылающим факелам насчитали подбитыми 27 танков. Результат неплохой. Откровенно говоря, мы сами не ожидали, что за такое короткое время добьемся таких успехов против сильного врага. Этому помогла выдержка, внезапный огневой удар и мастерство артиллеристов 20-й мотострелковой бригады и артиллеристов 60-го укрепленного района. Все воины действовали по-суворовски, сражались не числом, а умением, отважно и мастерски. Свидетелями в этом бою на НП были командиры и комиссары 66-й стрелковой морской бригады, Грозненского училища им. С. Орджоникидзе и уровских частей. В этом бою мы не понесли никаких потерь.

Наступившая ночь на 2 сентября 1942 года была темной. Мелко накрапывал дождик. Кругом стояла тишина. Части отдыхали после вечернего боя. Только штаб 20-й мотострелковой бригады напряженно продолжал трудиться, готовя приказы и схемы на выход из окружения. Штаб был размещен в погребе в одном из домов на восточной окраине Карповки. Тут же в штабе находились все командиры приданных частей. В два часа ночи радист П. Гудзенко сообщил мне, что к рации вызывает меня исполняющий должность командующего 62-й армией генерал-майор (потом Маршал Советского Союза) Николай Иванович Крылов. Я подошел к аппарату.

— Здравствуйте, товарищ Ильин, как ваше здоровье? — услышал я голос И. И. Крылова. (Под «здоровьем» понималось состояние боевых частей).

— Все в порядке. Вчера вечером вели большой бой с пехотой и танками противника, а теперь жду ваших дальнейших распоряжений.

— Видели, видели вчера вашу работу, хорошая. Спасибо. Мы все ею довольны. А теперь, товарищ Ильин, сейчас же со всем «хозяйством» (частями) идите на меня (на Сталинград), и только по Дубовой балке, ты понял меня? Только по Дубовой балке, — еще раз повторил он. — К тебе навстречу будет идти товарищ Васильев (стрелковая дивизия полковника Васильева). Итак, действуй, до свидания.

Не медля ни одной минуты, так как здесь же были все командиры частей, я отдал им приказ на выход из окружения, в котором были указаны очередность движения частей, меры охранения, боевая готовность и порядок рассредоточения в случае нападения противника, куда, какой части направляться при выходе из окружения. Особое внимание обращалось на дисциплину ночного марша. Казалось, в приказе до мелочей

предусмотрено все. Но в это время ко мне подошел командир 60-го укрепрайона:

— Товарищ полковник, а как же быть нам? В дзотах есть тяжелое оружие, а у нас ни машин, ни лошадей нет. Кроме того, мы не имеем права оставлять тяжелое оружие, а вывезти нечем, помогите нам.

— У меня тоже нет никакой тягловой силы, и помочь вам ничем не могу, я беру всю ответственность на себя, вот при моем комиссаре Р. А. Михайленко. Вы немедленно собирайтесь. Все, что можете, из оружия берите с собой, а остальное взорвите, приведите в негодность, чтобы не досталось фашистам, и двигайтесь, чтобы нас не застал рассвет, — закончил я.

Так как все части и соединения находились в сборе, то ровно через пятнадцать минут после приказа 3-й мотострелковый батальон — передовой отряд 20-й мотострелковой бригады двинулся по Дубовой балке. За ним пошли 66-я морская стрелковая бригада, училище имени С. Орджоникидзе, части 48-го, 175-го и 60-го укрепрайонов. Замыкали колонну остальные батальоны 20-й мотострелковой бригады. В это время к нашей колонне присоединилось несколько человек из поста ВНОС, до этого находящегося в районе хутора Майоровского и Калача. Среди них были связистки-разведчицы Ольга Николаевна Сюлемезова, Александра Петровна Бурнашова. Последними выехали на «виллисе» из Карповки вместе со мной П. Ковган, Р. Михайленко, А. Жигалкин, боевой, отважный водитель машины Н. Е. Сурков, мой дорогой Коля, с которым я прошел вместе почти всю Отечественную войну. Он уверенно вел машину. Мы объехали в темноте всю Карповку, все места стоянок частей, посмотрели, не осталось ли кого из раненых или имущества и, убедившись, что все ушли своевременно, помчались догонять хвост колонны.

При въезде в Дубовую балку остановились, прислушались: никакого шума, ни выстрелов. Значит, гитлеровцы еще не обнаружили движения нашей колонны. Этому помогала темная ночь и дождь, загнавший фашистов в укрытия. Сырая погода позволяла ясно слышать с обеих сторон балки немецкую речь. Значит, где-то недалеко находились фашисты, а в это время, у них под «носом» выходила из окружения наша группа войск.

Правда, с выходом из окружения мы снова попадали в самую гущу гитлеровских войск, наступающих непосредственно на Сталинград. Но, прорываясь из этого кольца, мы надеялись на лучшее.

Выходящие части прошли уже большую половину пути по Дубовой балке. Вдали чуть забрезжил рассвет, и тут передовой отряд колонны наткнулся на немцев. Сразу предрассветную

тишину прорезало множество автоматных очередей, заработали пулеметы. Справа, сзади нас, появились танки, открывшие по нам огонь трассирующими снарядами. Вот только когда проснулись фашисты!

Поздно, проспали нас.

— Скоро мы выскочим из кольца, — ободряюще сказал я своим товарищам.

В этот момент 196-я стрелковая дивизия полковника Васильева немедленно ринулась к нам на помощь, чтобы совместными действиями разорвать боевые порядки вражеских частей. Кругом мгновенно все загрохотало. Беспрерывно взвивались в небо белые и красные немецкие ракеты, слышны были крики. Фашисты дрались ожесточенно, не давая нашим частям объединиться. Но наши воины сражались еще упорней и храбрей, продвигаясь друг к другу, и наконец фронт фашистов был прорван, и наши части стремительно стали выходить в образовавшуюся брешь в район полустанка Алексеевки. На месте прорыва я встретил разгоряченного полковника Васильева, с которым мы по-братски обнялись и успели немного поговорить.

Неожиданно в воздухе появились немецкие «юнкерсы». Их было штук двести, тяжело нагруженных смертельным грузом. Но для нас они теперь уже не представляли большой опасности. Все части, вышедшие с Дубовой балки, быстро рассредоточились по полю, оврагам и кустам.

Бывший первый секретарь Сталинградского обкома и горкома партии и член Военного совета 62-й армии А. С. Чуянов в своей книге «Сталинградский дневник» так описал этот выход из кольца:

«Гитлеровцы предъявили ультиматум о сдаче в плен окруженным частям, он был отвергнут… Завязались ожесточенные бои. Благодаря героической помощи частей полковника Васильева вся группа наших войск выведена из окружения. Нелегко пришлось 20-й мотострелковой бригаде, обороняющей высоты в районе Алексеевки. Немцы замкнули кольцо окружения. Но после многочасового боя бригаде удалось прорваться на Дар-гору и занять оборону севернее пионерских лагерей. Это уже в непосредственной близости от железнодорожной станции Сталинград-2, элеватора и всего в нескольких километрах от речного порта».

Вот о том, как 20-я мотострелковая бригада вышла в район Алексеевки из окружения и попала в новое, мне и хочется рассказать дальше.

К этому моменту на фронте 62-й армии сложилась тяжелая обстановка. Противник мощными силами продолжал наносить

сильные удары по поредевшим соединениям и частям армии, которые, отбивая атаку за атакой вражеских соединений, вынуждены были отходить на новый рубеж обороны.

После выхода из Дубовой балки бригада сразу же заняла оборону на высотах северо-восточнее станции Алексеевки. Артиллерийский дивизион капитана В. Узянова и минометный батальон старшего лейтенанта В. Ерхова выбрали огневые позиции в лощинах и кустах Яблоневой балки.

К восьми утра крупные силы немецкой пехоты с одной стороны, а танки с другой, тесня храбро дравшиеся советские части, подковой охватили высоту, где стали в оборону мотострелковые подразделения и огневые позиции артиллеристов и минометчиков 20-й мотострелковой бригады, и гитлеровцы сразу перешли в атаку, заливая нас свинцом. Все люди и огневые средства снова оказались в страшных тисках врага. Каждый мотострелок дрался за десятерых, отбиваясь от наседающих захватчиков. Артиллеристы Узянова прямой наводкой, в упор уничтожали немецкие танки, поворачивая орудия то в одну, то в другую сторону, а минометчики Ерхова вгоняли в землю пехоту.

20-я мотострелковая бригада отбивала одну за другой атаки. Немцы кричали нам: «Рус, сдавайся!» И ведя яростный огонь, пытались уничтожить нас всех, но бойцы бригады стеной стояли в круговой обороне. Они настолько метко вели губительный огонь, что гитлеровцы много раз откатывались назад, неся большие потери. Наконец, фашисты отошли и прекратили атаки, а через два часа бросились снова в решительную схватку. Тогда наши мотострелки, по примеру коммунистов, поднялись во весь рост и во главе с майором Рогачом с криком «Ура!» ринулись на фашистов, забрасывая их гранатами, уничтожая автоматным огнем, прорвались в лес, в район пионерских лагерей.

За ними под огнем врага артиллеристы во главе с отважным лейтенантом Сахаровым успели откатить два орудия артдивизиона, прицепленные к машинам. Сзади остались командир артдивизиона Узянов с комиссаром Осиповым, секретарь парторганизации старший политрук Кульчицкий, старший лейтенант Пономаренко, политрук Вербенко, военфельдшер И. М. Лозянко — всего 25 человек. Не успели проскочить и минометчики старшего лейтенанта В. Ерхова. У них немцы подожгли со снарядами две машины, к которым цеплялись минометы. Хотя минометчики потом потушили пламя на машинах, но уже было поздно. И все они оказались изолированными от основных сил бригады. Но под руководством Узянова, Ерхова и комиссаров артдивизиона А. Н. Осипова, минбата Сорокина сражались отважно. Клич драться одному за

всех, а всем за одного, брошенный еще в Калаче, крепко сплотил всех в одну боевую семью.

Сейчас, когда все это вспоминаешь, отчетливо встают слова В. И. Ленина: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»[1].

Оказавшись в изоляции, бойцы и командиры дрались с наседающим противником еще около часа, потеряв несколько человек в неравной схватке, пока не наступили сумерки. После этого немцы прекратили атаки и отошли. Через несколько минут вся эта группа во главе с Узяновым видела своими глазами, как фашисты недалеко от них в поле расстреливали раненых красноармейцев.

Под впечатлением увиденного капитан Узянов немедленно собрал в кустах всех сержантов и командиров, как он мне рассказал потом, и отдал приказание:

— Здесь, товарищи, будем стоять насмерть; пока не пробьемся к бригаде, нужно во что бы то ни стало спасти всю материальную часть и выйти из кольца.

Не успел он закончить свою речь, как все собравшиеся увидели движущийся прямо на них гитлеровский обоз, повозок 30. Пришлось ему скомандовать «к орудиям» и открыть огонь по вражескому обозу. От этого обоза через несколько минут после беглого артогня узяновцев остались рожки да ножки. На орудийные выстрелы, откуда ни возьмись, прибежали шесть матросов из 66-й морской стрелковой бригады, укрывавшихся в кустах. А ночью капитан Узянов приказал командиру 2-й артбатареи лейтенанту Яковлеву вывезти оба орудия к пионерским лагерям. Яковлев, прицепив орудия к машинам, смело двинулся вперед, ориентируясь по компасу. В темноте они натолкнулись на какую-то группу фашистов, открыли огонь из автоматов и проскочили через немецкие позиции на Дар-гору, а затем вышли в район 20-й мотострелковой бригады.

Пешая группа не успела за машинами Яковлева и натолкнулась ночью на немецкий обоз, вышедший из рощи. Они тут же открыли ружейно-автоматный огонь и уложили много фашистов, но те успели дать сигнал своим частям: серию белых ракет в сторону узяновской группы, после чего немцы открыли сильный огонь из пулеметов в этом направлении и бросили много автоматчиков. Озверевшие, они носились по полю, пытаясь найти нашу группу, сидевшую в бурьяне, но все обошлось благополучно. Группа перед рассветом 3 сентября, к которой в пути перед выходом ее к пионерским лагерям присоединились прятавшиеся в кустах от немцев наши две девушки Зоя Жигалкина и

машинистка Александра Пахомова, пробилась к своим.

Когда группа Узянова уже стала приближаться к обороне бригады, мы с КП бригады вдруг увидели, как из лесу, наперерез узяновской группе, выскочило до роты немецких автоматчиков. Открыв автоматный огонь, они погнались за нашими бойцами. В это время бежавшая Зоя была ранена в ногу и стала отставать, рискуя попасть в руки фашистов. Заметив это, мы немедленно послали группу штабных офицеров спасти ее. Они побежали навстречу гитлеровцам. Открыв огонь, заставили врага остановиться, а сами подбежали к Зое, схватили ее под руки и, отстреливаясь, возвратились. Потом Зоя была отправлена в санчасть бригады за Волгу.

Воины минометного батальона в эту ночь тоже пробились с боем из окружения во главе с комбатом Ерховым.

Умело и смело выводил из окружения под огнем врага машины с тяжело раненными бойцами и врачебным персоналом медвзвода Александр Гаврилович Ивашин. Он вел машины от укрытия к укрытию, выжидал, когда кончится обстрел, а затем они снова мчались по балке к намеченной цели. Потом, выбрав момент, на большой скорости проскочил на машинах мимо оторопевших немецких колонн на Дар-гору и, прибыв в расположение обороны бригады, доложил нам о благополучной доставке тяжело раненных. За этот подвиг он был награжден медалью «За отвагу».

Так мужественные бойцы и командиры 20-й мотострелковой бригады не только умели героически обороняться и наступать, но и, попав, казалось бы, в безвыходное положение, верные Отчизне, находили выход и из него и побеждали врага.

СХВАТКИ НА ДАР-ГОРЕ

Из всех мотострелковых батальонов был создан один малочисленный батальон, насчитывающий всего 96 бойцов, но дрались они вместе с артиллеристами и минометчиками отважно как полнокровная бригада.

С этого дня обстановка под Сталинградом сложилась, как пишет Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в своей книге «Великая победа на Волге», особенно тяжелая:

«3 сентября противник, наступая, наносил удары на двух направлениях: один силами 51-го армейского корпуса на Городище — Александровна… Другой, наиболее сильный удар, — в направлении Воропоново, Купоросное силами 47-го танкового корпуса, а частью сил 4-го армейского корпуса — на Бекетовку, с целью выйти к Волге в стыке 62-й и 64-й армий… Войска 62-й и 64-й армий в течение десяти суток, с 3 по 12 сентября, упорно оборонялись на занимаемых позициях, сдерживали сильнейший натиск вражеских танков и пехоты, атаки которых непрерывно поддерживались массированными ударами с воздуха».

День и ночь не утихали бои с яростно наступающим противником на фронте армий. По шестнадцать часов в сутки строчили 13 тысяч пулеметов, по 2500 в день вылетов делали вражеские самолеты, сбрасывая бомбы на боевые порядки частей 62-й и 64-й армий. Это был настоящий кромешный ад.

Украинский поэт Борис Полийчук писал:

Наш Сталинград, родной наш город,
Кто хоть неделю дрался там,
Тому он близок, мил и дорог,
Там смерть за нами по пятам
Брела походкой вороватой,
Там было все: и жизнь, и честь,
Там день один был году равен,
Там каждый шаг солдатский славен.

20-я мотострелковая бригада вначале располагалась в обороне на восточных склонах Дар-горы с командным пунктом в здании кожзавода. Она отбивала многочисленные атаки превосходящих сил противника и ни шагу не отошла назад. Четвертого сентября наш КП и боевые порядки бригады с утра до середины дня беспрерывно подвергались ударам вражеской авиации. Но все атаки захватчиков были успешно отбиты на

нашем участке, и на какой-то час наступило затишье. В это время я вышел из помещения кожзавода (ныне автобаза), присел отдохнуть у дерева и вижу: идет на КП боевой вожак комсомольцев старший лейтенант Виктор Мамаев. Вид его был мрачный, голова опущена. Глубоко задумавшись, не замечая меня, он чуть не прошел мимо. Я позвал его и предложил сесть рядом:

— Что с тобой, Виктор Васильевич, что такой грустный?

— Да видите ли, товарищ комбриг, вот иду и вспоминаю, как я был учителем, потом инструктором пропаганды в Куженерском райкоме партии Марийской АССР, а за два месяца до прибытия в бригаду женился на своей Маше, и семейная жизнь была настолько короткая, что иду сейчас, хочу вспомнить, какое лицо, глаза у жены, и не могу представить. Второпях, когда уезжал на фронт, даже забыл захватить ее фотокарточку. Как она там живет, ведь я ее очень люблю.

— Я сочувствую тебе, Виктор. Но в таком положении оказались все мы, оторванные от семей, жен, матерей и любимых девушек. Это фашисты виноваты во всем. Думаю, что ты скоро получишь письмо и фотокарточку от жены, а теперь пойдем в помещение, там, наверное, уже обед готов.

В этот день, четвертого сентября 1942 года, вечером, во всех частях и подразделениях бригады было принято письмо к Председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину, в котором воины писали:

«Мы пишем вам в разгар великого сражения, под гром несмолкаемой канонады, вой самолетов, в зареве пожарищ, на крутом берегу великой русской реки Волги. Пишем, чтобы сказать вам и через вас всему советскому народу, что дух наш бодр как никогда, воля тверда, руки наши не устали разить врага. Сражаясь сегодня под Сталинградом, мы понимаем, что деремся не только за город Сталинград. Под Сталинградом мы защищаем нашу любимую Родину, защищаем все то, что нам дорого, без чего мы не можем жить. Здесь, под Сталинградом, решается судьба нашей Родины. Здесь, под Сталинградом, решается вопрос — быть или не быть советскому народу свободным…

Посылая это письмо из окопов, мы клянемся вам, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге».

Это была клятва советских солдат и офицеров, беспредельно любящих свою родную ленинскую партию и мать-Родину, готовых умереть, но не отдать Сталинград.

Пятого сентября утром противник огромными силами пехоты

и танков перешел в наступление на станции Воропоново — Садовая и стал теснить 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Он захватил ст. Воропоново и через ст. Садовая пытался с ходу прорваться на Сталинград. Наряду с этим выбросил заслон до 2 рот фашистов с 2 танками и 4 танкетками в «Треугольную рощу» на Дар-горе для прикрытия своего левого фланга. Тогда мы решили помочь 35-й гвардейской стрелковой дивизии и обеспечить безопасность своего левого фланга. Командиры частей бригады получили распоряжение выбить врага с «Треугольной рощи» и овладеть ею. Все были проинструктированы о том, чтобы тихо и незаметно, по лесу, подойти ближе к роще и, открыв сильный огонь, неожиданно атаковать немцев. Воины так стремительно и неожиданно атаковали фашистских захватчиков, что те растерялись и беспорядочно открыли огонь, а наши мотострелки забросали немецкие танки и танкетки противотанковыми гранатами. Гитлеровские танкисты при плохой видимости, не зная количества наших войск, стали удирать из рощи, за ними побежала пехота, преследуемая нашими бойцами, 20-я мотострелковая бригада заняла «Треугольную рощу».

Заняв немецкие окопы, мотострелки, при поддержке орудий и минометов, отбили все атаки врага и закрепились в роще. В этой короткой, но поучительной схватке за «Треугольную рощу» особенно отличились командир отделения сержант Евгений Яковлевич Лукин, который лично уничтожил в атаке автоматным огнем и гранатой 7 немецких солдат и 2 офицеров, сержант командир отделения комсомолец Александр Федорович Ташунин, который из ружья ПТР подбил одну танкетку, подавив две пулеметные огневые точки, и из автомата уничтожил 8 фашистских солдат. Отважный артиллерист разведчик Паршин уничтожил несколько фашистов.

Когда бригада овладела «Треугольной рощей», ее боевые порядки выдвинулись вперед на 3 километра по отношению к линии обороны своих соседних соединений справа и слева. Эта позиция была опасная, так как немцы в любое время, если соседние части не выдвинутся на одну с нами линию, могут отрезать нас от других соединений армии. Но отходить нам на свои старые позиции к пионерским лагерям было бы очень жалко, тем более что захват рощи достался нам с минимальными потерями.

Больше того, в такой момент, когда везде немцы наступали с приподнятым духом, важно было этот дух подорвать нашими активными действиями. Поэтому, если на нашем участке обороны мы нанесли врагу небольшой удар и продвинулись вперед на три

километра, все же это заставляло его при наступлении на 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию опасаться за свой левый фланг и отрывать какие-то силы для его обеспечения. Наряду с этим, успех 20-й мотострелковой бригады должен был подбодрить части армии на более активную оборону, чтобы сбить спесь с врага. Так мы понимали тогда захват «Треугольной рощи». Но когда я доложил исполняющему обязанности командующего 62-й армией генерал-майору Николаю Ивановичу Крылову о захвате «Треугольной рощи» и попросил его выдвинуть вперед соседние соединения, так как гитлеровцы нас могут отрезать, командующий вначале не поверил, что такая малочисленная бригада могла овладеть рощей, считая, что это какое-то недоразумение. Тогда и попросил его прислать для проверки представителя штаба, что он и сделал. К вечеру прибыл к нам капитан из штаба армии, который побывал в «Треугольной роще», на КП в кожзаводе. Утром приехал сам генерал Н. И. Крылов, который лично удостоверился во всем и одобрил нашу активность. Но он сказал мне, чтобы 20-я мотострелковая бригада удерживала свои позиции сама, так как соседние части продвинуться вперед не могут.

После официальной беседы Николай Иванович сказал:

— Товарищ Ильин, нам до зарезу нужна грузовая машина, не можешь ли ты нам дать?

Я ответил, что сейчас прикажу машину выделить. К чему привожу этот, казалось бы, мелкий факт? А вот к чему. Мне много раз в боевой обстановке, находясь в подчинении Николая Ивановича под Сталинградом и на Курской дуге, приходилось получать от него приказания, и он всегда очень тактично отдавал их. Так и в этом случае. Он не приказал выделить машину, а просто спросил, не имею ли я возможности выделить машину.

Перед битвой на Курской дуге Н. И. Крылов командовал 3-й армией, в которую входил вначале наш 25-й танковый корпус и 20-я мотострелковая бригада. Узнав у комкора, где находится 20-я мотострелковая бригада, сразу приехал к нам, провел собрание личного состава и остался ночевать в бригаде. А потом, после Орловско-Курской битвы, встречались мы с ним в Москве, а перед самой кончиной Маршал Советского Союза Николай Иванович Крылов, уже будучи больным, в феврале 1973 года через полковника И. Дрогана прислал мне приветствие и просьбу прислать ему воспоминания о боевых действиях 20-й мотострелковой бригады, о боях за Калач и Сталинград, так как пишет книгу о битве за Сталинград и хочет написать об отважных бойцах 20-й мотострелковой бригады. А через две недели после этого Н. И. Крылова не стало. Ушел от нас большой патриот

советской Родины, крупный военачальник Советской Армии и замечательный, простой человек. Мы, ветераны 20-й мотострелковой бригады, хорошо знающие его по Сталинградской битве, склоняем свои седые головы над его прахом.

…После того, как Н. И. Крылов уехал с КП бригады из кожзавода на КП армии, в 16–00 часов немцы неожиданно открыли сильный артиллерийский и минометный огонь по «Треугольной роще», где находились наши части, и одновременно атаковали своей пехотой командный пункт. Они засыпали снарядами, минами и бомбами. С воздуха то и дело пикировали самолеты.

Сильный бой шел на участке обороны бригады. Доблестные бойцы ни на шаг не отошли с захваченных позиций в «Треугольной роще».

Когда солнце уже стало садиться и бой стал утихать, над нами появились немецкие самолеты-«агитаторы». Они летали низко и сбрасывали листовки, написанные на три разные темы, но все требующие сдачи Сталинграда. И каково было наше удивление, когда в одной из них говорилось, что немцы овладели городом Калач и захватили в нем и в районе Калача около 50 тысяч советских солдат и офицеров и много техники. Все воины бригады от души смеялись над глупой геббельсовской пропагандой, хорошо зная, что за 23 дня боев в Калаче фашистам не удалось захватить ни одного нашего красноармейца.

В этот день дотемна шел тяжелый бой у соседа слева — 35-й гвардейской стрелковой дивизии, на участке которой враг пытался пробиться к Волге, но мужественные гвардейцы дрались героически и вечером остановили гитлеровцев, после чего наступило долгожданное затишье на этом участке.

Мне рассказывал позже начальник особого отдела 115-го укрепленного района Василий Мефодьевич Затолокин, что во время наступления немцев на станцию Воропоново там в будке стрелочника находилась наша радистка по имени Мария, 18 лет. В это время Затолокин находился в штабе в поселке Поляковка, как вдруг его к рации вызвала Мария и тут же ему передала, что к станции Воропоново двигается много немецких танков, за которыми она наблюдает из окна будки, и добавила: «Слушайте, товарищ Затолокин, я вслух буду их считать: один, два, три… десять… 15». И когда она досчитала до 20, раздалась автоматная очередь, и голос героини оборвался, она была убита фашистом. За этот подвиг Мария посмертно была награждена орденом Красного Знамени.

Этой ночью в небе появились два «юнкерса» и нудно гудели,

выискивая место, куда лучше сбросить тяжелые бомбы. Наши бойцы, привыкшие к этим звукам, не обращали никакого внимания. Но бывали и такие ночи, когда их прилетало много. Тогда «юнкерсов» освещали прожектора армии, и тут же зенитчики открывали сильный огонь из пушек трассирующими снарядами. И горе было ночным пришельцам, если они не успевали улететь своевременно из сталинградского неба, так как многие из них горящим факелом падали вниз и глубоко врезались в землю.

В эту ночь мне, несмотря на большую усталость, долго не хотелось ложиться отдыхать, и я решил послушать сводку из Москвы. И вдруг слышу, что на Сталинградском фронте среди отличившихся в боях в группе полковника Сергея Федоровича Горохова в 103-м медсанбате майора Николая Плотникова называют имена медработников, среди которых была и моя дочь Валентина Петровна Ильина (ныне Ивашина), которая в течение нескольких дней подряд выносила под сильным огнем противника по 20 и более тяжелораненых воинов с оружием с поля боя. Я был очень обрадован этим сообщением. Даже пропала усталость.

Наутро, как мы и предполагали, немцы окружили боевые подразделения в «Треугольной роще», отрезав их от управления бригады, а затем большой группой автоматчиков они охватили кольцом командный пункт. Образовались две изолированные друг от друга группы. Это нас не испугало. Мы сразу же организовали круговую оборону, тогда противник, сжимая оба кольца, при поддержке сильного огня пытался атаковать нас и уничтожить. Но не тут-то было. Натолкнувшись на наш сильный и дружный огонь, вынужден был с потерями откатиться назад. Используя этот момент, мы с КП смело контратаковали немцев, пытаясь прорваться к своим боевым подразделениям в «Треугольную рощу». Но контратака успеха не имела, противник крепко держал нас в кольце, а связи с частями, находящимися в роще, не было никакой, телефонные линии немцы перерезали, раций в частях не было, только одна была на КП бригады.

Во второй половине дня противник бросил против нас свою авиацию. 30 бомбардировщиков один за другим сбрасывали по нескольку бомб каждый на КП.

От грохота взрывов здание кожевенного завода дрожало, как в лихорадке. Сыпалась штукатурка со стен и потолков, и казалось, что здание вот-вот рухнет и похоронит нас всех под обломками балок и кирпичей. Но здание устояло, а стервятники, разгрузившись, улетали. Вокруг здания КП зияли десятки воронок, наружные стены были посечены осколками и пулями

автоматчиков, и, что самое тяжелое произошло, была разбита единственная рация, через которую держали связь со штабом 62-й армии.

Теперь эта связь прекратилась, и мы снова, уже в который раз, оказались в одиночестве. Одна из авиабомб попала в смежное помещение кожзавода, где лежали наши тяжелораненые солдаты и офицеры. В этот момент здесь оперировали. Производившая операции хирург Т. А. Евдоменко, которой помогали врачи Л. Ф. Верещинская, М. И. Киреева, медсестра Мария Ананченко и военфельдшер Александр Ивашин и другие, оглушенные взрывом бомбы, продолжали операции.

Как только закончилась атака с воздуха, немецкие автоматчики снова атаковали нас и с криком «Рус, сдавайся!» кинулись на штаб. Личный состав, находящийся на КП, без суеты, спокойно встретил огнем из окон и дверей очередную атаку автоматчиков. Немецко-фашистские захватчики с потерями откатились назад. Провалились очередные атаки фашистов и на боевые подразделения частей в «Треугольной роще». Бросались и мы несколько раз в контратаки, осыпая гитлеровцев горячим свинцом.

Наконец пришла ночь. Из-за туч выглянула луна, захватчики не унимались: трассирующими пулями обстреливали КП, слышно было, как они вели ружейно-пулеметный огонь по «Треугольной роще». Всю ночь на КП никто не отдыхал, ожидая атаку врага. Я вызвал офицера связи лейтенанта Н. А. Величко и приказал ему во что бы то ни стало проскользнуть через цепь немецких автоматчиков, найти командующего армией, доложить обстановку, в каком положении оказалась 20-я мотострелковая бригада и передать ему, что я прошу помочь нам живой силой, дабы дать возможность объединиться штабу с боевыми частями. Но лейтенант Н. А. Величко не сумел проскочить через фашистскую цепь автоматчиков, был тяжело ранен и бойцами доставлен в штаб бригады. Тогда я вызвал другого офицера связи — старшего лейтенанта Александра Филипповича Молозина, который многократно бывал в боевых схватках с врагом, а впоследствии командовал разведротой. Ему я рассказал боевую задачу, которая была дана лейтенанту Величко. За эту ночь старший лейтенант Молозин сумел проскочить вражеский кордон, нашел командующего Н. И. Крылова, доложил ему устно все о положении бригады и, снова пройдя через немецкую цепь автоматчиков, доложил мне, что командующий армией ничем нам помочь не может, у него нет никаких резервов. «Пусть комбриг своими силами выходит из положения». А положение наше было тяжелое, надеяться не на кого. Но нам надо было во

что бы то ни стало объединиться. В этом наша сила. Через несколько минут после прихода А. Молозина был собран руководящий состав бригады на КП. Мы откровенно взвесили обстановку и решили к рассвету быть готовыми пойти в решительную контратаку для соединения с нашими частями.

В этот вечер к нам на подмогу пришли 15 оперуполномоченных нашей бригады во главе с заместителем начальника особого отдела капитаном Степаном Федоровичем Проулочным. Это была уже большая подмога для работников штаба бригады. И когда чуть забрезжил рассвет, мы с автоматами и гранатами бросились на неприятеля. А в это время боевые подразделения бригады, услышав бой в направлении КП, тоже смело кинулись нам навстречу, уничтожая фашистов. И в короткой, но решительной контратаке нам удалось прорвать кольцо окружения и соединиться.

Боевые подразделения снова заняли оборону в районе пионерских лагерей, а КП остался в кожзаводе. Тут же штаб бригады связался по телефону со штабом 62-й армии и доложил обстановку. Потом телефонную трубку в штабе армии взял член Военного совета дивизионный комиссар Кузьма Акимович Гуров, которого я знал хорошо. Он приказал мне явиться к нему. Когда спускался от КП бригады с Дар-горы в большую балку, идущую к реке Царице, где стоял командный пункт 62-й армии, раздался сильный взрыв тяжелого немецкого снаряда, бросивший меня на землю. Когда пришел в себя и поднялся, то было впечатление, что осколки разорвавшегося снаряда перебили меня пополам. Но оказалось, что осколки срезали, как бритвой, половину фляги с водой, висевшей у левого бока, срезали, как ножом, поясной ремень и металлические кольца на снаряжении. Один, как видно, большой осколок чуть задел поясницу. Ко мне подбежали откуда-то появившиеся майоры Р. А. Михайленко и П. М. Ковган, которые сопроводили меня к медпункту здесь же, в балке. В медпункте, когда я снял гимнастерку, медсестра Елена Михайловна Санникова воскликнула:

— Ого! Я сейчас вас перевяжу и немедленно отправлю в госпиталь.

— Нет, — говорю ей, — мне надо явиться сейчас к члену Военного совета.

И, немного согнувшись, пошел к штабу 62-й армии, который находился в этой же балке.

Когда я вошел в палатку члена Военного совета Кузьмы Акимовича Гурова, он посмотрел на меня, вначале удивился, А после моего краткого доклада о случившемся подошел, обнял, поздравил с наградой, пожелал здоровья, дальнейших успехов и

прикрепил к моей гимнастерке орден Красной Звезды, полученный за прошлые боевые дела на реке Тим в декабре 1941 года, когда я был командиром кавалерийского полка в 3-м гвардейском кавалерийском корпусе…

БОИ У ШКОЛЫ № 14

На участке 20-й мотострелковой бригады обстановка продолжала оставаться напряженной. В этот день, перед закатом солнца, противник большими силами пехоты, как саранча, заполнил все поле южнее станции Садовая, и все шире и глубже обходил 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию, прижимая ее к железной дороге и к левому флангу бригады.

Пехота противника, прикрываясь небольшими кустами, наступала в направлении элеватора и поселка Ельшанка. Гитлеровцев было так много, что на 3–4 километра в квадрате казалось, что движется сплошная какая-то серо-зеленая масса. Исходя из сложившейся обстановки, мы решили передвинуть боевые порядки бригады влево по Дар-горе ближе к станции Садовая, а командный и наблюдательный пункты перенести в район школы № 14. Тут же наш неизменный боевой комендант штаба бригады лейтенант Леонид Михайлович Рубин на новом месте оборудовал КП в здании школы № 14, НП рядом, на высоте, и в течение нескольких минут наладил телефонную связь со всеми частями бригады, расположенными в обороне. В 1944 году Леонид Михайлович в боях в Польше получил тяжелое ранение и сейчас — инвалид 2-й группы.

Как только 20-я мотострелковая бригада переместилась ближе к станции Садовая, случайно в район школы № 14 подъехал дивизион реактивных минометов — «катюш». Этот дивизион куда-то спешил. Я подозвал командира дивизиона, майора, и говорю:

— Куда вы едете, смотрите, сколько фашистов, ни одна ваша мина не пропадет даром, давайте скорей залп.

Командир дивизиона посмотрел с моего НП, стоящего на высоте, и даже оживился: уж больно много скопилось гитлеровцев, и ударить по ним было удобно. Мгновенно развернул дивизион и дал залп. Мы с НП наблюдали за результатом. Все мины попали прямо в гущу этой саранчи. Над полем появилась сотня взрывов с пламенем. Загорелись кусты и трава. Среди фашистов поднялась паника. Масса захватчиков в какие-то секунды была выведена из строя. На месте взрыва мин, мы видели, кучами лежали трупы фашистов.

Только успели реактивные установки дать залп и уехать, как тут же гитлеровская артиллерия начала сильный обстрел того места, откуда всего три минуты как уехал дивизион РС. Сразу же появились и немецкие самолеты и начали обрабатывать наш КП. Тяжелые бомбы с грохотом ложились возле школы, покрывая

площадь глубокими воронками. Здание покачивалось от взрывных волн. Стены секли осколки, падали разбитые стекла и сыпалась штукатурка. Одна из бомб задела крышу. «Юнкерсы» все долбили и долбили нас бомбами, пришлось спуститься в подвал, в котельное помещение школы. Части бригады, находящиеся в обороне, также все время подвергались воздушным атакам и огневому артиллерийскому обстрелу врага.

Все дни наступления неприятеля включительно до 12 сентября отважные бойцы бригады вели жестокие бои с превосходящими силами гитлеровцев, отбивая одну за другой атаки, и не отошли назад ни на один шаг. Мы хорошо знали, что позади нас родной Сталинград и Волга. И только тогда, когда противник, ничего не добившись, временно прекратил свое наступление, а в бригаде всего осталось 35 бойцов, она по приказу Военного совета 62-й армии была выведена в резерв армии на противоположный берег Волги для пополнения личным составом и техникой.

В этот день, 12 сентября, в должность командующего 62-й армией вступил генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

В 20-х числах октября 1942 года, когда горели нефтяные баки и лежал израненный, разрушенный Сталинград, когда горящая нефть рекой текла к Волге через командный пункт 62-й армии, кругом рвались снаряды и бомбы, меня вызвал для доклада командующий армией В. И. Чуйков. Переехав Волгу, кипящую от осколков и огня, я нашел щель в горе недалеко от воды, где находился начальник штаба армии генерал-майор Н. И. Крылов, который тут же доложил обо мне вошедшему командующему В. И. Чуйкову. Он дал лестную характеристику 20-й мотострелковой бригаде, а я обстоятельно все доложил командующему о личном составе, технике и что делает бригада. Он внимательно выслушал меня и сказал:

— Хорошо! Продолжайте занятия, через некоторое время бригаду пополним людьми и техникой и снова будете драться в Сталинграде.

Но 28 октября 1942 года мы получили приказ начальника Генерального штаба Ставки Верховного Главнокомандующего выехать на место новой дислокации, в район Саратова, а потом 20-я мотострелковая бригада перед отправкой на Орловско-Курскую битву была включена в состав 25-го танкового корпуса, в котором и участвовала в этом грандиозном сражении.

О том, как дрались отважные воины 20-й мотострелковой бригады долгие дни и ночи за Калач и Сталинград, говорит боевая и политическая характеристика, данная Военным советом 62-й армии 31 марта 1943 года командиру 20-й мотострелковой

бригады:

«Главные действия 20-й мотострелковой бригады в составе 62-й армии происходили в период боев на восточном берегу реки Дон и на ближайших подступах к городу Сталинграду. Руководя бригадой, полковник Ильин П. С. в исключительно трудных условиях, при явном преимуществе сил противника отражал многочисленные его атаки, не допуская форсирования противником реки Дон у города Калача. Построенный противником мост был взорван частями бригады. Особенно ожесточенные бои шли за город Калач, обороняемый бригадой 28 августа. Предприняв сильный контрудар, бригада выбила противника из города.

Мужественная борьба бригады в городе Калаче замедляла продвижение противника, чем способствовала перегруппировке частей армии. В ходе перегруппировки бригада вступила во встречный бой с крупными силами пехоты противника при поддержке 80 танков в районе Басаргино, вела ожесточенные бои на непосредственных подступах к городу Сталинграду в районе Садовая, Ельшанка, препятствуя стремлению противника прорваться к городу на этом участке. В этих боях полковник Ильин проявил личное мужество и умение управлять подчиненными частями в исключительно трудной обстановке, сдерживая натиск значительно превосходящих сил противника.

Умело сочетал оборону с активными действиями, в результате чего противнику нанесен большой урон в живой силе и технике, и задержал продвижение противника к городу Сталинграду. Представлен к правительственной награде — ордену Красного Знамени»[2].

Мужественной борьбе бригады способствовала постоянная, крепкая спайка всего личного состава бригады, сцементированная партийно-комсомольской работой. В связи с этим мне хочется привести интересную оценку, которую дали 20-й мотострелковой бригаде потом, после Сталинградской битвы, американский союзник, а также лютый враг Советского Союза немецкий генерал, бывший командующий группой войск «Северная Украина».

23 мая 1943 года, когда 20-я мотострелковая бригада в составе 25-го танкового корпуса находилась в одном из танковых лагерей, в бригаду из Москвы прибыла американская военная делегация во главе с заместителем начальника штаба американской армии в сопровождении наших работников Генштаба. Они присутствовали на всех наших занятиях в подразделениях. После этого американский генерал в присутствии командира 25-го танкового корпуса генерал-майора

танковых войск Ф. Г. Аникушкина заявил, что на них личный состав бригады произвел очень хорошее впечатление, что они очень довольны всем, что видели на занятиях, и что бойцы, командиры и политработники бригады очень трудолюбивые. Такова оценка союзника. И это очень справедливо.

А в марте 1944 года, когда 25-й танковый корпус и 20-я мотострелковая бригада дрались в районе Радзивилово (Червоноармейск) Ровенской области, мы перехватили донесение немецкого командующего группой войск «Северная Украина» лично Гитлеру. В донесении перечислялись все соединения 1-го Украинского фронта, которые боролись против этой группы войск, и среди этих советских соединений немецкий командующий особенно выделил 20-ю мотострелковую бригаду. Он писал (пишу на память, так как не знаю, кому сдан этот документ командованием 25-го танкового корпуса и в каком архиве его искать), что 20-я мотострелковая бригада — стойкая в обороне и упорная в наступлении. В ней существует крепкая спайка между солдатами и офицерами, командный состав хорошо подготовлен. Дисциплина высокая, даже прибывающее пополнение заражается боевой традицией и дерется, как старослужащие.

Вот такую оценку давал враг боевым и политическим качествам славных воинов 20-й мотострелковой бригады. Вероятно, на своей шкуре не раз фашисты испытали в схватках с ними их ярость, мужество и доблесть, иначе немецкий командующий группой «Северная Украина» не дал бы такой оценки. Воины 20-й мотострелковой бригады участвовали в укреплении обороны страны, вносили свою посильную долю. Так, например, в сохранившихся у меня записях имеется такой факт: на «Второй военный заем» в бригаде 4 июня 1943 года подписались на 677 860 рублей. Это составляло к фонду месячной заработной платы 154,3 %. Наличными внесли сразу 12 392 рубля, а сержант комсомолец Титенко подписался на 3000 рублей, рядовой Кулавин — на четырехмесячный оклад, лейтенанты Леонид Михайлович Рубин и Суставов — на 1,5-месячные оклады. Таких было немало.

После тяжелейшей кровопролитной обороны в битве за Сталинград, в которой участвовал весь героический советский народ, Красная Армия по решению ЦК ВКП(б) и Главного Командования Вооруженных Сил Советского Союза перешла в решительное контрнаступление.

20-я мотострелковая бригада прошла после Сталинградской битвы свыше 7000 километров, из них с боями 5500 километров. Она участвовала также в Орловско-Курской битве, где в боях с

превосходящими силами врага освободила 19 населенных пунктов и нанесла ему большие потери. Она участвовала в освобождении Киева, Макарова, Коростеня, Новоград-Волынска, Корец, Ровно, Дубно, Радзивилова (Червоноармейска), Каменка-Струмилова, Броды, Жолкева, Львова, Немирова, Перемышля, в освобождении Польши, Дукли и Дукленского перевала, Чехословакии, в битве за Берлин и за Прагу. Она освободила от фашистов еще сотни населенных пунктов и форсировала десятки крупных и малых рек. Героические бойцы 20-й мотострелковой бригады за время войны, по архивным данным военного архива Министерства обороны СССР в городе Подольске, уничтожили 29 669 фашистских захватчиков, 200 танков, 6 самоходных орудий, 11 боевых самолетов, 199 орудий, много бронемашин и бронетранспортеров, 134 миномета, 897 пулеметов, 237 автомашин, 411 повозок с лошадьми и военным снаряжением. Бригадой захвачено в плен 4594 немецких солдата и офицера и один генерал. Взято много трофеев. Только под станцией Чоповичи захвачено 28 подбитых танков и десятки танков в других боях, 26 орудий, 134 миномета, 41 тяжелый пулемет, 127 автомашин, 120 повозок с лошадьми, боеприпасами и другим имуществом, 3 самолета, много складов с имуществом и вооружением.

За боевые заслуги перед советской Родиной в боях с фашистами воины бригады 12 раз отмечены в приказах Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил Советского Союза. Бригаде присвоено почетное наименование «Новоград-Волынская», она награждена орденами Красного Знамени и Суворова II степени.

За мужество и отвагу в бригаде награждено орденами и медалями 4614 солдат и офицеров, среди которых 2 Героя Советского Союза.

В Сталинградской битве с фашизмом с необычайной силой раскрылось благородство души советского человека. Здесь каждый понимал, что от героизма и отваги его зависит судьба Родины, всего человечества.

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Шли годы. В октябре 1970 года мы, однополчане 20-й мотострелковой бригады, оставшиеся в живых, решили собраться в Волгограде на слет ветеранов, чтобы посетить могилы наших боевых друзей на сталинградской земле, пройти по близким и незабываемым местам боев и поклониться священной волгоградской земле.

И вот утром 25 октября мы, участники Сталинградской битвы К. С. Парфенов, П. И. Соловьев, В. П. Узянов, И. Ф. Рогач, В. А. Шубин, Т. А. Евдоменко, П. Г. Данилов, Л. М. Рубин, С. Ф. Должиков, В. И. Митрохин, В. П. Ромах, З. И. Жигалкина, К. Ф. Чугунов, П. П. Бердов, П. Д. Витинский, А. А. Туровец и я, взошли на Мамаев курган и остановились у монумента Матери-Родины, этого великого творения советского народа — вечной памяти о героях Сталинградской битвы с немецко-фашистскими захватчиками.

— Обратите внимание, друзья, — говорит наш председатель Совета ветеранов 20-й мотострелковой бригады волгоградец Петр Иванович Соловьев, — мы сейчас стоим на господствующей над основной частью города высоте 102,0.

Мы с большим вниманием смотрели вверх на Мать-Родину и слушали идущие откуда-то победные, ликующие звуки музыки.

— Видите, — показывает рукой Соловьев, — громады завода «Красный Октябрь». А там, дальше, завод «Баррикады», в расположении которого в июне 1942 года наша бригада формировалась и откуда мы пошли в бой за Сталинград. Дальше вы видите трубы тракторного заводами разросся неузнаваемо, его корпуса заново обновились и расширились, а рядом с ним выросли жилые кварталы, проспекты, улицы, площади…

— А вот там, вдали, — перебивая Соловьева, говорит П. Г. Данилов, — где была степь, свистел ветер, сейчас поднялись корпуса Волгоградского химического комбината — гиганта имени 50-летия Октября.

— А знаете, — включилась в разговор Таисия Алексеевна Евдокименко, — мне очень нравится наша красивая набережная со спуском широкой мраморной лестницы к Волге и сквер с памятником погибшим героям. Я всегда после работы стараюсь пройти по этому пути. Когда мы осмотрим полностью ансамбль Мамаева кургана и поедем к набережной Волги, вы убедитесь в этом.

Да, кипит трудовая жизнь на волжской земле! А каким мы видели сожженный и разрушенный Сталинград! Казалось тогда, что только через многие годы город будет восстановлен. Но перед человеческим разумом и трудом отступили, ушли в небытие и пепел и руины. Советский народ — народ-герой, народ-строитель, он под руководством ленинской партии преобразует каждый метр родной земли, делая все для человека. Велик и могуч советский человек.

Мы долго молча стояли у подножия монумента, пристально всматриваясь в легендарный и дорогой нам город славы. Лица моих однополчан были сосредоточенны, как будто перед получением боевой задачи.

Потом мы спустились в мемориальный Зал воинской славы. В середине зала, как будто из-под земли, мы увидели поднятую руку погибшего героя с вечным факелом, освещающим путь живым. На стенах круглого зала на 34 приспущенных пурпурных знаменах, выложенных мозаикой, окаймленных черными лентами, начертаны имена героев, погибших под Сталинградом. Над траурными знаменами вокруг всего Зала воинской славы в виде бордюра, завершающего стену, свисает гвардейская оранжево-черная лента, и на ней белыми буквами написано: «Мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг перед священной матерью-Родиной».

Мы обошли весь зал и прочитали, как в книге, все фамилии погибших героев — наших братьев по Сталинградской битве. И долго еще не хотели уходить из зала, стараясь все запомнить и запечатлеть на долгие времена.

Когда вышли из Зала воинской славы, увидели на стенах у искусственного озера надписи сталинградских героев — солдат того времени: «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!», «Каждый дом — это крепость», «С нами миллионы», «Весь великий советский народ с вами», «За нашу Советскую Родину» и много других.

И тут, у стен-руин, мы услышали вой пикирующих самолетов, разрывы фугасных бомб, гул боя, залпы «катюш», автоматно-пулеметную стрельбу, и команду «В атаку!», и солдатское «Ура!»

Все это мне показалось таким естественным, что невольно чаще забилось сердце и самому хотелось тут же крикнуть, как когда-то в бою: «Вперед, товарищи, за мной, бей фашистов!»

На следующий день в Советском районе, у школы № 14, в здании которой в сентябре 1942 года был КП 20-й мотострелковой бригады, состоялся митинг, который открыл заместитель председателя Советского райисполкома В. М. Покусаев. Он приветствовал нас, участников Сталинградской

битвы, и сиял покрывало с мемориальной доски, висевшей на стене школы. На доске золотыми буквами было написано, что здесь в сентябре 1942 года стоял КП 20-й мотострелковой бригады, героически дравшейся с немецко-фашистскими захватчиками.

После митинга было проведено собрание учащихся и преподавателей школы, на котором с воспоминаниями выступили тепло встреченные присутствующими бывший командир артдивизиона В. П. Узянов и другие.

На следующий день мы поехали в город Калач, где спят вечным сном сотни наших боевых друзей и товарищей. Население и местные власти приняли нас, как родных братьев. На митинг пришли жители города. Многие из них хорошо помнят, как героически дрались воины 20-й мотострелковой бригады за Калач-на-Дону. В городе в строительном техникуме, в школах, на судостроительном заводе и в городском историко-краеведческом музее выступили ветераны В. Л. Шубин, В. П. Узянов, П. Г. Гудзенко.

Нынешний Калач является крупным промышленным и портовым центром Дона, одним из ведущих районов Волгоградской области. Мы были очень рады тому, что в городе проводится большая военно-патриотическая работа с молодежью. Пионеры-следопыты собирают по крупицам боевые реликвии Великой Отечественной войны и, как святая святых, хранят их в музеях и комнатах боевой славы в школе № 1, в школе поселка Пятиморск.

Глубоко чтут память погибших в схватках с фашизмом героев войны, чтут советских воинов, отстоявших под руководством ленинской партии честь, свободу и независимость нашего многонационального Отечества.

Сканирование — Беспалов, Николаева.
DjVu-кодирование — Беспалов.

notes

Примечания

1

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

2

Боевая и политическая характеристика хранится в Волгоградском музее обороны.